

Явное – не явное, но загадочное...

... В нашем доме одиноком

Бродят выходцы могил...

/ Юргис Балтрушайтис /

- Давайте по порядку, - вежливо попросил капитан полиции Степанов. Его обращение было адресовано Серафиме Максимовне Устюжаниной, которая мысленно нарекла капитана «дядей милиционером» после его представления по всей форме: Серафиме вспомнилось известное стихотворение Сергея Михалкова – по фамилии Степанов и по имени Степан.

- Мне кажется, я всё уже рассказала, - неуверенно промямлила женщина, обратив взор на присутствующую здесь же соседку. Та, в свою очередь, заметила:

- Сима, ты говорила сбивчиво, перескакивала с одного на другое. Тебе нужно взять себя в руки... Сосредоточится тебе надо.

- Возьмешь себя в руки, сосредоточишься, как же, - набросилась на нее Серафима и, мгновенно растеряв внезапно обретшую боевитость, со вздохом добавила, - легко тебе говорить.

- Ну, я-то понимаю тебя как никто, - парировала соседка.

Закамуфлированная перепалка осталась для «дяди милиционера», как говорят, за семью печатями, открывать которые у него не было никакого желания. И только он собрался втиснуться в чужой диалог с повторным предложением, как хозяйка квартиры, Серафима Максимовна, сокрушенно заметила:

- И чем я Бога прогневила, почему неприятности падают на мою несчастную голову одна за другой... Конечно, гибель мужа неприятностью не назовешь – это большое горе для меня. Все-таки вместе прожили тридцать пять лет, стали единым целым, как сиамские близнецы.

- Давайте поговорим о вашем погибшем муже позже, - выдержав паузу, терпеливо высказался «дядя милиционер», Степан Степанов, молодой мужчина слегка за тридцать. Он был скорее мальчиком-милиционером для Устюжаниной, чей возраст едва перевалил за цифру пятьдесят пять. Но выглядела она для своих лет моложаво: и лицо с едва заметными

мимическими морщинами, и фигура стройная, и спина ровная, и походка пружинистая. Другое дело глаза-предатели: взгляд был потухший и безжизненный, как у брошенной собаки.

- Можно, конечно, и позже, но... - «вставила своих пять копеек» соседка Устюжаниной, Бронислава Ефимовна Кидалова, и тотчас умолкла.

Кидалова - женщина семидесяти лет, излишне подвижная для своего возраста и громогласная, впрочем, сегодня она выглядела иначе. Так выглядят люди после перепоя. Даже Серафима заметила изменения в соседке, несмотря на собственные проблемы, потому и обратилась к ней с вопросом, едва та переступила порог ее дома. Но соседка свела брови на переносице, отмахнулась, только бросила фразу «всё потом».

Если рассматривать Кидалову «по частям», то можно назвать ее некрасивой. Естественно, в преклонном возрасте мало кто сохранил красоту, но, так сказать, остатки былой красоты видны невооруженным взглядом. Теперь о «частях»: Бронислава Ефимовна была обладательницей длинного носа, в прямом и переносном смысле: любила совать свой нос всюду, причем без приглашения - любопытная без всякой меры; опять же смотрела на мир маленькими глазками, близко посаженными, при этом губы у нее были разнокалиберными – верхняя пухлой, а нижняя узкой, отчего верхняя нависала над нижней. В связи с разнокалиберностью и нависанием создавалось впечатление глубоко и постоянно обиженной. И умственно недалекой. Раз она пребывает в состоянии постоянной обиженности на весь мир, то мир просто обязан чувствовать за собой вину и, в свою очередь, не имеет права обижаться на любопытную особу. Мол, пусть себе развлекается, какое-никакое, а негласное примирение. И делать глубокомысленные выводы о сообразительности обиженной тоже не имеет никакого права.

Однако глупой Брониславу назвать никак нельзя: она была себе на уме. Как нельзя назвать злокой и ярой сплетницей: обсуждала людей без азартного фанатизма и не с каждым встречным-поперечным, только с доверенными людьми и не для того, чтобы «воду в ступе толочь» или время убить - для обсуждений должны быть веская причина. Ее любопытство объяснялось просто - Кидалова жила одна. Муж умер, дети выросли и разлетелись по разным городам.

В чем, в чем, а в сочинительстве с элементами страшилок Брониславу Ефимовну никто не уличал и вдруг... случилось. Рано или поздно что-то случается впервые. Так произошло и с Брониславой, завладевшей

вниманием опечаленной соседки Серафимы и сдержанно-дерзкого капитана полиции.

Прервав затянувшуюся паузу, Кидалова уверенно заявила:

- Я его видела накануне. – При этом голос не повысила, в привычной ей манере, высказалась извинительно, но без доли сомнения. После чего впиалась взглядом в лицо Степанова, чтобы выяснить его реакцию на заявление. На Серафиму смотреть побаивалась.

Так как сегодня соображение Кидаловой находилось на нулевой отметке и двигаться в сторону положительных значений не собиралось, то она не придала значения тому факту, что опустила фамилию человека, которого она видела накануне. Она решила, что начало ее собственного заявления - «можно, конечно, и позже, но...» - плавно перетекло в продолжение – «я его видела накануне».

Но ни Серафима, ни, тем более, Степанов, не уловили связи между началом и продолжением, потому как во время паузы Серафима углубилась в свои тревожные мысли, а капитан полиции прислушивался к бурлящим звукам в своем животе и мечтал о тарелке овсяной каши с плавающим сверху куском сливочного масла, бутерброде с сыром и колбасой и чашке горячего крепкого кофе.

Однако оба, и Серафима, и голодный Степанов, привлеченные замаскированной фразой Кидаловой, хором спросили:

- О ком речь?

Но спросили с разными интонациями: Серафима - испуганно и полуобморочно, вдруг догадавшись, чье имя сейчас услышит, а Степанов с заметной долей раздражения: дам такого уважаемого возраста он считал странными, если ни сказать «со сдвигом». От таких одни проблемы.

Бронислава Ефимовна глубоко вздохнула и потрясла головой – возмутилась. Задержала взгляд на капитана, скользнула взглядом по Серафиме и, делая паузы между словами, доходчиво пояснила:

- Покойного Ивана Кузьмича Устюжанина.

Серафима замерла, даже дыхание задержала, ее и без того большие глаза вылезли из орбит. Степанов мягко похлопал ее по плечу – успокоил и мысленно призвал не обращать внимания на высказывания разных старух «со сдвигом». После чего не удержался от замечания:

- Как я понял, Иван Кузьмич Устюжанин погиб.

Обращался он, естественно, к Кидаловой, которая с таким усердием изучала потолок и стены в комнате, что можно было подумать, что ее пригласили в качестве прораба строительной бригады, дабы оценить фронт работ.

Степанов хмуро взирал на нее и прислушивался к утробным звукам в животе. Есть хотелось до умопомрачения. Мечту об овсяной каше с маслом упростил до пачки печенья. Где-то в рабочем столе, в одном из ящичков точно есть. Вернется в отдел, слопает всю пачку, утолит слегка голод, а потом можно и на доклад к начальству идти. Получит нагоняй – как без нагоняя, и только после этого помчится в ближайшее кафе, где и цены демократические, и кухня нормальная.

И вот, нате вам, «получи, фашист, гранату», как любит говорить его мать, имея ввиду подобных этой, «со сдвигом». Что и говорить, старушка в неадеквате. Принесла ее нелегкая на место преступления! Вернее, участковый ее пригласил в качестве понятой.

Степанов потоптался на месте, переместился и встал перед сидевшей на стуле хозяйкой квартиры, якобы требуя у той четких пояснений.

- П... погиб, - согласно кивнула сообразительная Серафима Максимовна, слегка заикаясь, и добавила, - автокатастрофа.

- Погиб, погиб наш Иван Кузьмич, - закивала Бронислава Ефимовна и с придыханием сообщила, - ехал он по трассе на разрешенной скорости, и тут навстречу грузовик, столкновение лоб в лоб. Как потом выяснилось, водитель грузовика был смертельно пьян. Этот пьянчужка почти не пострадал, а Иван... Ой, беда, беда, беда. Замечательный был человек, прекрасный муж и заботливый отец, - тут же дала она характеристику погибшему Ивану Кузьмичу.

Капитан полиции Степанов в характеристиках, не относящихся к данному делу, не нуждался, о чем и собирался сообщить присутствующим, чтобы пресечь ненужные разговоры на корню, после чего мягко удалить Кидалову из квартиры Устюжаниной, однако его опередили.

- Мы похоронили Ванечку месяц назад, - потухшим голосом сказала Серафима Устюжанина. – После похорон я уехала к сыну, к Игорьку, он живет со своей семьей в другом городе. Игорь настоял на моем отъезде, не хотел, чтобы я сидела одна в четырех стенах. А со мной он остаться никак не мог, работа...

- Получается, вас не было дома целый месяц, сегодня вы вернулись и обнаружили пропажу крупной суммы денег, - вернул разговор в нужное русло

Степанов, значительно повеселев. – Что-то еще пропало из квартиры? Вы успели проверить?

- Если вы о серьгах-кольцах, то все мои безделушки на месте, - безразличным голосом сообщила Серафима Максимовна. – Только деньги пропали. Триста тысяч. Я планировала заказать мужу приличный памятник на могиле. Что теперь делать, ума не приложу.

- Это Иван пришел и забрал, точно тебе говорю, - констатировала соседка. – Говорю же – видела его собственными глазами.

- Когда... ты его видела, Броня? – страдальчески поморщившись, спросила Сима. Видимо, тоже начала сомневаться в адекватности соседки, после перепоя, хотя, ранее в употреблении спиртных напитков та замечена не была, тем более в чрезмерном.

- Сказала же – накануне твоего возвращения! Вчера вечером дело было! - возмущенно отреагировала Бронислава Ефимовна. И, понизив голос, продолжила, - слышу я возню на нашей лестничной клетке. Посмотрела в дверной «глазок» и вижу – кто-то стоит у твоей двери, Сима. Спиной стоит и ключ пытается вставить в замочную скважину. Но я-то знаю, что ты в отъезде, что никто из людей мужского пола прийти не может, поэтому сразу сообразила – это вор. Я не робкого десятка, решила выйти и приструнить домушника...

- А надо было звонить в полицию, а не заниматься самодеятельностью, - нравоучительным тоном сказал Степанов.

- Я, может, и позвонила бы в полицию, но меня смутило одно обстоятельство: тот человек был одет прилично и кого-то мне напомнил. Прежде чем выйти из квартиры, я его в «глазок» хорошенько изучила, а зрение у меня - дай бог каждому.

- Броня, ты сразу поняла, кто перед тобой? – задала вопрос Устюжанина.

- Нет, не сразу, - покачала та головой. – Сначала я его приняла за мужика из соседнего подъезда, он немного чокнутый – зимой и летом одним цветом.

- Он постоянно ходит к одной и той же куртке, - пояснила капитану Серафима Максимовна.

- Ага, - подтвердила Кидалова. – На дворе, понимаешь, конец апреля, а он в теплой шапке и в куртке с меховым воротником. Я предположила, что он перепутал квартиры по своему слабоумию, решила его вразумить.

- У Вани такая же куртка была, - упавшим голосом сообщила Серафима и приложила ладонь к губам.

- Да-да, его куртка, темно-синего цвета, почти черная.

- Он в ней был тогда, когда...

- Когда авария случилась, - продолжила за Устюжанину Бронислава.

- Можно подумать, подобная куртка – эксклюзивная вещь, - заметил доселе молчавший Степанов, который слушал чужой диалог и только и успевал переводить взгляд с одной дамы на другую.

Кидалова отмахнулась от него, как от назойливой мухи и продолжила:

- И вот, значит, открываю я дверь, - она согнула спину и изобразила как она открывает дверь, и будто бы просовывает в образовавшуюся щель голову. Сначала появляется нос, потом всё остальное. Воображение капитана четко зафиксировало это, капитан не сдержался и фыркнул. Кидалова с осуждением покосилась на него, все-таки выпрямилась, сложила руки по швам и как ни в чем ни бывало продолжила сложила. – Дверь скрипнула, а этот мужик... вообще никакой реакции. Можно подумать, нет меня. Ну, думаю, точно Федька-полоумный, его так все кличут, он не обижается. Тогда я что надумала? Надумала я его тихонечко окликнуть, чтоб, значит, не напугать до полусмерти, уж больно наш Федька впечатлительный и пугливый. Я ему – Федя, Федя, а Федя продолжает в замке ковыряется. Пришлось выйти на лестничную клетку. Со спины-то он на Федора похож, опять же куртка, будь она неладна, а когда я увидела, кто передо мной, то сама чуть сознания не лишилась. И как не лишиться, если передо мной... п...покойник. Иван Кузьмич наш. Господи, прости мою душу грешную, - перекрестилась Бронислава. – Точно он, не сомневайтесь. Видела его вот как вас сейчас, - она указала на Степанова, а Степанову стало не по себе. Оказывается, он тоже впечатлительный, пусть не такой, как Федька-полоумный, но уж точно не из пугливых.

- Вы могли перепутать? - совладав с неожиданными эмоциями, спросил капитан Степанов только для того, чтобы хотя бы что-то спросить. Собственный уверенный голос вернул его в нормальное состояние.

- Знаю, на что вы намекаете! - вспыхнула Кидалова. - Так вот я вам со всей ответственностью заявляю: у меня нет и не было галлюцинаций, и проблем со зрением у меня тоже нет!

- Вы про зрение уже говорили, - напомнил Степанов.

- Вот не надо на меня ТАК смотреть! Если мне не двадцать лет, и даже не сорок, то я уже выжила из ума? Все вы, молодежь, думаете, что люди старшего поколения давно забыли таблицу умножения, да что там таблицу умножения - они не знают, сколько будет дважды два. Разве я не права, Сима! – обратилась она за поддержкой.

Сима промолчала. Пожилая дама сразу приутихла, вернувшись в свое прежнее состояние. Немного покручинилась – приложила ладони к щекам и покачала головой, после чего не отказала себе в удовольствии продолжить затронутую тему о пришельце с того света.

- Уж прости меня, Сима, но я видела Ивана Кузьмича и никого другого! Стоял у твоей... у своей двери живой и здоровый, выглядел как обычно, с той разницей, что меня будто бы не заметил и не слышал, будто мы с ним существуем в разных мирах.

- Так и есть – ты на этом свете, а он – на том, - ни на кого не глядя, резюмировала Устюжанина.

Бронислава передернула плечами – то ли согласилась, то ли сомневалась.

А Устюжанина продолжила:

- Получается, Ванечка вернулся домой, чтобы забрать деньги? Зачем?

- Чтобы ты памятник на его могиле не ставила, – быстро нашла ответ Бронислава Кидалова. – Вспомни, о чем Иван всегда говорил, пусть и в шутку?!

- О чем?

- О том, чтобы ты, в случае, если он уйдет из жизни первым из вас, кремировала его тело. А ты? Ты предала тело земле...

- По христианским традициям, - добавила Серафима.

- Но он-то тебе ясно дал понять...

- Броня, прекрати, - осадил ее Серафима.

- Можешь мне не верить, но я... - Под умоляющим взглядом соседки Броня прикусила язык.

Хотя, Степанову надоели разговоры о призраках, пришедших за деньгами, - разговоры не по теме - однако он, не боясь дальнейших нападок со стороны Кидаловой, не удержался от вкрадчивого вопроса:

- Бронислава Ефимовна, вы какие лекарственные препараты принимаете?

- Еще скажи, что я наркотиками накачалась и у меня... шарики зашли за ролики, - по-свойски обратилась она к полицейскому, с трудом подобрав определение своего возможного состояния. И сообщила, - у меня здоровье на зависть некоторым молодым, которые пьют, курят и... ведут антисоциальный образ жизни. Если говорю, что видела Ивана Кузьмича, значит, видела. И никто меня в этом не переубедит! Ясно вам?

В лице Устюжаниной вдруг что-то переменялось, глаза нездорово заблестели, и, сдерживая рвущееся наружу ликование, она спросила:

- Броня, что случилось потом? Что... он сделал? – При этом избегала называть покойного мужа по имени.

Капитан понял свою оплошность, но было уже поздно.

- Что делал, что делал, - пробормотала Бронислава, - открыл дверь ключом, вошел внутрь и... закрыл за собой дверь.

- А ты?

- Я не пошла за ним. Уж не знаю, почему... Ноги будто приросли к полу. Сама я была как неживая... Как загипнотизированная увиденным... Постояла какое-то время, немного пришла в себя и вернулась в свою квартиру. Чувствовала я себя ужасно – ноги ватные, голова как чумная и перед глазами все плывет. Ясное дело – стресс. Дотащилась до дивана и... больше ничего не помню. Уснула, наверное.

- Когда я утром открывала замок, ничего подозрительного не заметила. Дверь была закрыта, я вошла... Никакого беспорядка не было... И никого в квартире не было... Не знаю, почему, но первое, что я сделала, оказавшись дома, бросилась проверять, на месте ли деньги. Меня как будто кто-то в спину толкнул... Будто кто-то нашептывал – проверь, проверь... Проверила... Денег на месте не было.

- Теперь мы подошли к тому, с чего начали, - подобрался Степанов, - где вы хранили деньги?

- В вазе, - ответила Серафима и указала на большую вазу красного стекла, которая стояла на столе. Ваза была до краев наполнена конфетами. – Деньги лежали на дне вазы, завернуты с полиэтиленовый пакет. Я подумала, что никто не додумается, что на дне лежат деньги.

- А Иван знал? – задала вопрос Бронислава.

- Конечно, нет. Я положила деньги на дно вазы перед отъездом к сыну. Хотела с собой взять, но передумала. У меня с собой была небольшая сумма, достаточная, чтобы покупать подарки внукам и не сидеть на шее у детей.

- И все равно, Иван знал, - стояла на своем соседка, - покойники всегда всё знают – сверху всё видят.

- Ну, хватит уже, Бронислава Ефимовна, - скривился, как от зубной боли, капитан, мальчик-милиционер, он же дядя милиционер по фамилии Степанов и по имени Степан. Голодный и злой.

К ним приблизился эксперт-криминалист и доложил:

- Отмычку при вскрытии двери не применяли, дверь открыли «родным» ключом.

- А я что говорила! – восторжествовала Кидалова. – Хозяин вернулся и открыл дверь своим ключом!

- Возвращайтесь-ка вы, гражданка Кидалова, к себе домой, - вежливо попросил Степанов, с трудом совладав с эмоциями. – Если вы понадобится, мы вас пригласим.

- Ну и пожалуйста, - поджала губы Бронислава, отчего верхняя губа поглотила нижнюю. Выказав величайшую обиду и не дождавшись извинений, старушка удалилась с гордо поднятой головой.

Серафима направилась в кухню, чтобы выпить воды. Она сидела на табурете, тянула воду из стакана и прислушивалась к разговору в гостиной.

- Фил, ты что-то нашел? – спросил у подчиненного капитан.

- Кое-что есть, - ответил тот.

Серафима заинтересовалась находкой полицейского и вернулась в комнату.

Парень, названный Филом, протягивал капитану полиэтиленовый пакет, в пакете что-то лежало. Зоркой Устюжаниной показалось, какой-то документ.

- Водительское удостоверение на имя... Абажурова Николая Павловича, - прочел Степанов. – Преступник проник в квартиру и оставил... визитную карточку. Очень интересно.

Степанов кому-то позвонил и попросил «пробить по базе Абажурова Николая Павловича». Затем обратился к хозяйке дома, пристроившейся на стуле.

- Серафима Максимовна, вам знаком Абажуров Николай Павлович? – И зачем-то покачал пакетом с водительским удостоверением внутри, зажав пакет двумя пальцами.

Устюжанина задумалась, затем протянула руку. Капитан вложил ей в руку пакет с документом. Серафима впиалась взглядом в фотографию на документе. Молодой мужчина лет тридцати, приятной наружности, если по фото на документе можно судить о приятной наружности.

- Я никогда не встречалась с этим человеком, - ответила она после изучения фотографии.

- И фамилию Абажуров вы никогда не слышали?

- Никогда.

- Уверены?

- Абсолютно. У меня хорошая память, не сомневайтесь.

- Что вы все заладили - хорошая память, хорошее зрение, хороший слух, - себе под нос пробубнил Степанов. Измерил шагами комнату, придирчиво наблюдая за работой оперативной группы, забрал из рук Устюжаниной документ и спросил у нее, - может быть, он вам кого-то напоминает?

- Если вы намекаете на моего мужа, то ничего общего. Тем более, велика разница в возрасте.

- То есть, ваша соседка не могла ошибиться и принять Абажурова за... сами знаете кого?

- Не могла. У Брониславы нет проблем с головой... По крайней мере, не было до сей поры. Но я не думаю, что за месяц, что мы с ней не виделись, произошли какие-то кардинальные изменения с ее психикой.

- Что вы сами думаете о... человеке, который проник в вашу квартиру?

- У меня нет никаких соображений по этому поводу. Братьев у Ивана не было... Насколько мне известно, - договорила Серафима. – В любом случае, кто-то из близких родственников дал бы о себе знать за годы нашей совместной жизни. Все-таки тридцать пять лет бок о бок – немалый срок.

- Согласитесь, что место для хранения денег вы выбрали странное.

- Ничего странного – лучше на виду. Даже если вор проникнет в квартиру, он не будет поедать два кило конфет, может быть и съест пару-тройку, если он сладкоежка. Где люди обычно хранят свои сбережения?

- В банке!
 - Банкам сейчас доверяют не все, особенно люди моего поколения.
 - Конечно, лучше в чулке, - усмехнулся Фил.
 - Почему же в чулке, можно в стопке постельного белья, - не приняла ироничный тон Устюжанина. - Или в кухонном шкафу в специальной... банке для хранения круп... Кстати, а где нашли водительское удостоверение Абажурова?
 - Где? – переадресовал Степанов ее вопрос Филу.
 - Возле ножки стола, - ответил Фил и указал, где именно.
 - Преступник мог случайно опрокинуть вазу с конфетами, - предположила Серафима Максимовна. – Увидел деньги, согнулся, чтобы подобрать и не заметил, как выронил из кармана водительское удостоверение. Из всего выше сказанного можно заключить следующее: преступник не профессионал
 - профессионалы не ходят на дело с документами, удостоверяющими их личность.
 - Откуда такие глубокие познания в данной сфере...хм... деятельности? – с усмешкой удивился Степанов, вскинув брови.
 - Почитываю на досуге детективчики. А чем еще заниматься на пенсии?
- В кармане капитана полиции затрезвонил мобильный телефон. Степанов выслушал абонента, поблагодарил за полученные сведения, которые явно касались Николая Абажурова, чье водительское удостоверение обнаружили в квартире Устюжаниной, у ножки стола. Он еще ничего не успел сообщить своим коллегам, как вновь высказалась Серафима:
- Не думаю, что этот Абажуров имеет отношение к преступлению. Его кто-то подставил. Значит, преступника следует искать в его ближайшем окружении... Хотя...
 - Что? – без интереса спросил Степанов, с легкой иронией – то же мне, гений сыска нашелся.
 - Абажуров мог потерять удостоверение, а преступник мог его найти, на свою же удачу. Нашел, а потом подбросил документ, чтобы пустить следствие по ложному следу. Идея так себе, рассчитана на работников, ратующих за быструю раскрываемость с последующими привилегиями. Но мне повезло – вы, капитан Степанов, к этой категории не относитесь.
 - Какая неприкрытая лесть.

- Не лезть, а констатация факта, основанная на знании жизни и людей.
- Давно живу, далеко гляжу, все обо всех знаю, - не отказался капитан от привычного бубнения себе под нос, несмотря на то, что тетка была ему симпатична, без всякого сомнения. - Получается, ваше первоначальное предположение было ложным, и преступник все-таки профессионал? – сдерживая улыбку, изрек он.
- Вовсе нет. Профессионалу нечего делать в квартире небогатых граждан – не та нажива.
- Из этого следует?
- Из этого следует, что преступник оказался в моей квартире случайно... Или не случайно – он преследовал какую-то свою цель, не имеющую отношения к краже денег. Однако присвоил чужие деньги – не мог себе отказать. Ваше дело выбрать правильный ответ или предложить свой.
- У кого еще были ключи от вашей квартиры?
- У моей соседки.
- У Кидаловой?
- Нет, у соседки, которая живет надо мной. Она, как и я, обожает комнатные цветы, поэтому я могла на нее положиться, в смысле ухода за комнатными цветами. Чего не скажешь о Брониславе. У той вся квартира завалена искусственными цветами, не квартира, а склеп какой-то.
- Бронислава Кидалова проживает одна в своей квартире?
- Одна. Муж умер пять лет назад, а дети разъехались и забыли о матери.
- Может быть, она была плохой матерью? – зачем-то спросил Степанов. Возмущение поведением Кидаловой еще не остыло, хотелось услышать хоть что-то нелестное в ее адрес, подкрепляющее его мнение.
- Хорошей она была матерью. Пренебрежительное отношение детей к родной матери пусть останется на их совести, - не купилась Серафима Максимовна.
- Чужая жизнь – потемки, - философски изрек мальчик-милиционер.
- Поэтому не нужно додумывать того, чего на самом деле не было. Тем более, к нашему делу это не имеет отношения, - осадил его потерпевшая.
- Вы в этом доме давно живете? - поспешно спросил тот, чтобы избежать неловкости.

- Квартиру нам подарили мои родители на свадьбу. Вот и считайте. Так что о семье Брониславы я знаю не понаслышке. У нас прекрасные с ней отношения, мы стали почти родными людьми, особенно после смерти ее мужа, когда она осталась одна-одинешенька.

- Ее поведение вам не кажется подозрительным?

- Давайте без намеков, капитан.

- Я не...

- Намекаете-намекаете, - покивала Устюжанина. - Хочу вас заверить, что Бронислава не злоупотребляет спиртными напитками. Скажу больше – она вообще не употребляет, от слова «совсем». Просто она выглядит сегодня... не как обычно. Весна, хронические заболевания дают о себе знать. Это я вам как врач говорю.

- Вы доктор?

- Врач-кардиолог. Как вы догадались, уже на пенсии. Пришлось уйти без собственного желания. Надо было освободить место для чьего-то протеза. Но я не борец. Написала заявление и ушла.

- Когда это случилось?

- В конце прошлого года. Думала, будем с Ваней наслаждаться спокойной жизнью... - Серафима приложила ладонь к губам, с трудом совладала с просящимися наружу слезами.

Капитан не удержался и опять положил ей руку на плечо – успокоил и посочувствовал. После чего снова заходил по комнате, не отдавая отчета своим действиям, взял из вазы красного стекла конфету, развернул и засунул в рот. Потом еще одну и еще. Фантики от конфет скрутил в шарик, только потом опомнился и спрятал шарик в карман пиджака.

- Хотите чаю? Или кофе? – поинтересовалась хозяйка.

- Нет, спасибо, - отрицательно покачал головой смутившийся мальчик-милиционер и вернулся к теме разговора, - значит, запасной комплект ключей от вашей квартиры хранятся у соседки с верхнего этажа.

- Да, только у нее. Как я уже говорила – соседка поливала цветы в мое отсутствие. Брониславе я довериться не могу – она их точно угробит: или забудет полить, или переусердствует с поливом, что тоже чревато.

- Расскажите о соседке.

- Дарья Петровна Лосева. Проживает вместе с внучатым племянником, он приехал из маленького провинциального городка, поступил в колледж, кажется учится на третьем курсе. Если я ничего не путаю. Прохор хороший мальчик...

- Прохор...

- Валежников, - подсказала Серафима. – Я не хочу, чтобы у мальчика были из-за меня неприятности. Ему двадцать лет, но он совсем ребенок, он не способен на разные... глупости, поверьте.

- Доверяй, но проверяй, - протянул Фил, потом обратился к капитану, - на вазе «пальчиков» нет.

- Вообще никаких отпечатков? – спросил у него капитан, почему-то устремив взгляд на хозяйку.

- Вообще, - ответил Фил, а Серафима сказала:

- Я к вазе не прикасалась, только конфеты разгребла руками, заметила, что денег нет и сразу бросилась звонить в полицию. Пока вас ждала, проверила свои безделушки. Как уже говорила – всё на месте.

Степанов кивнул и вновь обратился к криминалисту:

- Что-то еще?

- Увы, ничего, заслуживающего внимания.

- Будем работать с единственной находкой – с водительским удостоверением гражданина Абажурова.

- Товарищ капитан, - обратилась к Степанову хозяйка квартиры. – Я понимаю, для кого-то триста тысяч совсем небольшая сумма денег, но для меня – огромная. На свою пенсию я проживу, запросы у меня небольшие, но на памятник средств не хватит. Сына обременять не хочу... Вы меня понимаете?

- Понимаю. Я сделаю все от меня зависящее... – Степанов быстро осознал, что избитая фраза глубоко ранила женщину. - Серафима Максимовна, я буду очень стараться...

Серафима какое-то время сидела на стуле, не шелохнувшись, потом резко поднялась и направилась в прихожую. Сменила домашние тапочки на туфли, открыла входную дверь и от неожиданности отпрянула, едва не

приземлившись на пятую точку. Перед ней стояла Бронислава с поднятой вверх правой рукой. Рука тянулась к звонку. Соседка не успела позвонить, дверь открылась, в итоге обе – и хозяйка, и гостя – перепугались.

Бронислава переместила руку на грудь и глубоко вздохнула.

- Вот так и не знаешь, где тебя смерть подстережет, - сообщила она с придыханием.

- Экая ты пугливая, Броня, - хмуро заметила Сима, быстро взяв себя в руки, и посторонилась, пропуская гостью в прихожую. Прежде чем зайти, та повертела головой. Сима с легко читаемым осуждением пробормотала, – да, входи ты уже, не строй из себе шпиона на задании.

- Тихо ты, - шикнула на нее Бронислава Кидалова, но вошла и дверь самостоятельно прикрыла, и замки проверила. После чего намерилась двигать на кухню, но прежде в комнату заглянула, позыркала по сторонам.

- С ума с тобой сойдешь, - высказалась хозяйка и спросила, - чаю хочешь?

- Не хочу я ничего. Я поговорить пришла, - сообщила гостя, усаживаясь на стул.

- Что-то еще вспомнила? – нахмурилась Сима и тоже присела. Подперла ладонью подбородок и уставилась на Брониславу.

- Вот ты мне не веришь... - вспыхнула Бронислава и тотчас утихомирилась. - Впрочем, твое право. Честно – я бы тоже не поверила, если бы мне кто-то сказал, что видел моего покойного мужа. Покрутила бы пальцем у виска. И стала обходить этого человека стороной... Ты тоже будешь меня сторониться, Сима?

Сима одарила ее легко читаемым взглядом – дала понять, что гостя в очередной раз сморозила глупость, но от замечания не удержалась:

- Твой муж умер пять лет назад, а мой... месяц назад... Сама не знаю, зачем это говорю.

- Время не лечит, - с печалью в голосе произнесла гостя, - напротив, боль прячется глубоко в душе и лежит тяжелым грузом. Постоянно копаешься в себе – что не сделала, чем могла помочь и не помогла.

- Твой муж прошел курс лечения, шел на поправку и вдруг... Тромб оборвался. Никто от этого не застрахован, с каждым может случиться, даже с молодыми людьми.

- Но как-то можно было... предугадать, какое-то лекарство курсом пропить, чтобы...чтобы тромб не обрывался?

- Броня, ты меня что ли обвиняешь? – вскинула брови Серафима.

- Что ты, что ты, - замахала на нее двумя руками Кидалова, - я тебе всегда буду благодарна за то, что продлила моему Илье жизнь. Если бы не ты, если бы не твое постоянное участие и твоя забота... Ведь я к тебе могла в любое время дня и ночи обратиться, и ты никогда мне не отказывала. Брала в руки свой чемоданчик и бежала к моему сердечнику.

- Я врач, я давала клятву Гиппократу.

- Сим, ты прости меня, что я... наболтала лишнего. Но с другой стороны, как было не сказать... Верно, нет?

- Сказала и сказала.

- Душу я тебе взбаламутила, дура старая... Я чего пришла-то, я пришла посоветоваться к тебе как к доктору. Наверное, у меня произошло помутнение рассудка.

- Я кардиолог, а не психиатр.

- Ну, да, не психиатр, - согласилась Кидалова. – Но посоветовать мне можешь – к кому обратиться, если появились галлюцинации.. Сим, чего ты молчишь?

- Я думаю.

- Ну, думай, думай.

Серафима выглядела такой несчастной, отрешенной и отчаявшейся, что Бронислава за нее перепугалась и запричитала:

- Симочка, ты не слушай старческие бредни. Я из ума выжила – сама не знаю, что несу. Не было никого, мне при... приснилось. Приснилось, точно тебе говорю.

- Не выжила ты из ума, Броня. Кто-то очень хотел, чтобы ты увидела... того, кого увидела. И обязательно мне бы рассказала.

Кидалова не поняла, на что намекает Устюжанина, на всякий случай сопереживающе повздыхала, вдруг встрепенулась и сказала:

- Я к тебе пришла с новостью!

- Еще одну новость я не переживу.

- К моим галлюцинациям эта новость не имеет никакого отношения.

- Ты что-то узнала о преступнике, который проник в мою квартиру и украл деньги? Его кто-то видел? Тебе Федя-полоумный сказал?

- Почему Федька-полоумный?

- Потому что он не так глуп, как хочет казаться. Глаз у него острый. И наблюдательный он. Людей насквозь видит, не хуже рентгена...

- Тоже мне, нашла наблюдательно-умного! – возмутилась Бронислава Ефимовна, не дослушав хвalebных речей в адрес Федора. И вынесла свое заключение, – дурак он и есть дурак.

- Пусть каждый останется при своем мнении.

- Нет уж, я хочу у тебя спросить: если Федька-полоумный меня ненавидит, значит, я плохой человек? Он видит всех и меня, в том числе, насквозь, что-то почувствовал и при каждом удобном случае выказывает свое отношение?

- Он тебя ненавидит, потому что ты его шпыняешь при каждом удобном случае. Так нельзя. Нельзя обижать убогого.

- Тебе, Сима, всегда всех жалко. Лучше себя пожалей.

- Теперь только и остается, как себя жалеть, - посоветовала Устюжанина.

Чайник закипел, она принялась разливать чай. Потом направилась в комнату и вернулась с пресловутой вазой в руках. Выставила вазу с конфетами на стол. Бронислава взяла одну конфету, покрутила в руках и положила обратно.

- Я не о пропавших деньгах пришла поговорить, - осторожно вступила она. - Хотела... хотела поделиться с тобой радостью. Иль ни ко времени?

- Радостью? – удивилась хозяйка и проговорила, - ко времени, ко времени. Интересно послушать. Однако вид у тебя совсем не радостный.

- Потому что я Фома неверующий, быстро на слово не верю, мне нужны доказательства. Но в данном случае я изменила сама себе - взяла и поверила. А как не поверить, если... всё будто бы сошлось. Чудеса случаются, как оказалось.

- Хватит говорить загадками, - предупредила хозяйка.

- Сима, дело вот в чем... Помнишь, я тебе рассказывала историю моей матери, как во время войны она потеряла сына – в смысле, он скончался от какой-то серьезной болезни. Моя мать с младенцем на руках покинула родной город – бежала от фашистов. По дороге в эвакуацию оба заболели,

их ссадили с поезда, поместили в больницу. Мать выжила, а мальчик-кроха скончался. Мать узнала о его смерти позже, когда пошла на поправку.

- Я помню эту историю. Первый муж твоей матери погиб на фронте, после войны она вышла замуж за твоего отца, тоже фронтовика, родила тебя. Но к чему ты ворошишь далекое прошлое?

- А к тому... - Бронислава собралась с силами и сообщила не слишком поспешно, - ко мне в дверь постучалась незнакомка... Молодая... Симпатичная блондинка с длинными волосами... Назвалась Леной.

- Ну и, - поторопила нерешительную соседку Серафима. Та погрузилась в свои мысли. Тогда Серафима повторила ее же слова, - к тебе пришла девушка по имени Лена и сказала...

- Лена заявила, что она младшая дочь сына моего брата по матери. Всего у него три дочери, она, значит, младшая, - с сомнением протянула Кидалова, опомнившись.

- Да, ладно, - отмахнулась Сима. - Получается, эта Лена приходится тебе внучатой племянницей? Она родная внучка твоего якобы умершего во время эвакуации брата?

- Так выходит, - развела руками Бронислава Ефимовна и пробормотала, - мама его не хоронила, сама пребывала на грани жизни и смерти, потом ей сообщили - умер ваш мальчик, его похоронили в одной могиле с другими людьми. Мама назвала меня в его честь - его Брониславом звали.

- Получается, он не умер? Он выжил?

- Получается, так, - в полном недоумении подтвердила Кидалова. - Мальчика перевозили из одной больницы в другую, потом он оказался в детском доме, и потом его усыновила бездетная пара. Бронислав не знал, что он приемный ребенок, мать открыла ему правду перед самой своей смертью. И назвала его настоящую фамилию - на самом деле он Иванников, а не Вержбицкий. Фамилия первого мужа моей мамы была Иванников. Бронислав долго искал свою родную мать, но как ее найдешь, если она давно вышла замуж и сменила фамилию во втором браке. Несколько лет назад мой брат Бронислав скончался, а перед смертью просил сына найти родственников по матери, если, конечно, таковые имеются.

- А с чего он решил, что мать выжила? Раз он оказался в детском доме, то резонно предложить, что мать умерла. Так ведь?

- Не знаю, что он там думал, может, сердце подсказывало - мать жива.

- Но как же так вышло, что его посчитали умершим?
- Кто ж его знает. Но в сорок втором вместо Бронислава похоронили другого мальчика... Войнаааа.
- Как же тебя нашли родственники? – поинтересовалась Серафима.
- Старшая сестра Лены имеет связи... где-то там, - ткнула пальцем в потолок Кидалова. – Покопались в архивах и выяснили, кто настоящая мать Бронислава Иванникова-Вержбицкого. А потом по цепочке и до меня добрались. Оказывается, семья моего брата живет в Саратове. И Бронислав там прожил всю жизнь. Это всего-ничего от нас. Вот такие чудеса чудесные!
- Всего-ничего – тысяча с гаком километров, - зачем-то уточнила Устюжанина.
- Ты не рада за меня, Сима?
- Я... рада. Но согласись – как-то подозрительно все это выглядит... Кстати, когда к тебе приходила новоявленная родственница Лена?
- Когда-когда, так вчера и приходила. После обеда, часика в четыре.
- Ясно.
- Что тебе ясно?! Не хочешь ли ты сказать... - грозно начала Бронислава, но быстро приуныла. Какое-то время в кухне царила тишина, затем Бронислава полушопотом рассудила, - Лена, значит, погостила, ушла, а потом... Да, нет, не может быть. И вообще, не вижу связи. Или связь есть?
- Броня, ты о чем?
- Я о том, что на почве радостной новости у меня случилась галлюцинация... Признание Лены шарахнуло обухом по моей старой голове, последствия не замедлили сказаться.
- Ты принимала какие-то лекарственные препараты?
- И эта туда же! – вспыхнула Кидалова, заговорив о Симе в третьем лице и вспомнив мальчика-милиционера.
- Погоди возмущаться. Нет ничего странного в том, что ты разволновалась от новости, и чтобы успокоиться, приняла какой-то препарат... с побочным действием. Ведь ты разволновалась?
- Ну, конечно. Едва чувств не лишилась. Но никаких лекарств не пила.
- Тогда я ничего не понимаю. Да, новость обрушилась на твою голову, да, могло давление подскочить, могло еще что-то случиться, но... это не повод...

видеть призраки. Если бы кто другой сказал, я бы начала сомневаться в его нормальном психическом состоянии, но ты...

- Почему ты так странно на меня смотришь? В чем ты меня подозреваешь, Сима?

- Признайся, Бронислава Ефимовна, не выпила ли ты лишку на радостях? А, Бронислава Ефимовна?

- Сима, ты меня знаешь, - встrepенулась Кидалова.

- В том-то и дело, что знаю, но...

- Давай, продолжай, что ж замолчала...

Сима продолжать не спешила, задумчиво прихлебывала чай из чашки и смотрела в окно. Через распахнутую форточку доносилось пение птиц. По синему небу медленно передвигался неразличимый авиалайнер, оставляя за собой инверсионный след.

- Опять она о чем-то задумалась, - прошептала гостя и тоже взялась за чашку с остывшим чаем. Некоторое время пребывала в своих гениальных мыслях, затем с шумом вернула чашку на стол и с вызовом заявила:

- Вот хочешь-не хочешь, Серафима Максимовна, но я видела человека, который вошел в твою квартиру и закрыл за собой дверь, при этом никак не отреагировал на мое замечание и на мои вопросы. Ви-де-ла! Своими глазами!

- Ты у окулиста давно была? - отрешенным голосом спросила Серафима.

- У меня нет надобности посещать окулиста, - обиделась Кидалова.

- Допустим, ты видела человека, который открывал ключами замки на моей двери, допустим это был обыкновенный домушник, в руках которого случайным образом оказались эти самые ключи, - принялась рассуждать Серафима Устюжанина. - Ты его увидела в «глазок», вышла и окликнула. Как бы поступил любой домушник? Дал деру! Согласна со мной?

- Конечно, - кивнула Броня. – Он бы пустился наутек, едва я начала шурудить замками, а особо дерзкий послал бы меня в нокаут, причем без особого труда. А что этот наглец? Он спокойно продолжал делать свое грязное дело. На меня ноль внимания. Вот такие вот дела-делишки... Загадка из загадок.

- Еще какая загадка, - вздохнула Серафима.

- Сима, ты у нас дама сообразительная, кому как ни тебе искать правильный ответ. Вот скажи, что ты обо всем этом думаешь? Что первое тебе приходит на ум?
- Уверена в одном – человек был, ты не могла ошибиться. Он вошел в квартиру и украл деньги. Почему он на тебя не отреагировал? Могу предположить только одно – он не боялся тебя, он заранее знал, что ты... примешь его за... другого человека.
- С чего вдруг?
- Поточу что ты находишься в неадекватном состоянии.
- Я могла принять его за кого угодно, а приняла за... за Ивана Кузьмича. С какого такого перепуга? Он был на него похож? Я могла ошибиться? Как думаешь?
- А вот тут начинается самое интересное. Но прежде надо вернуться к твоей новоявленной родственнице по имени Лена.
- А причем здесь Лена?
- О чем вы с ней говорили? Начало можно опустить – вы говорили о прошлом. Она рассказывала тебе о твоём брате, своём дедушке, о себе и о своих сестрах. Потом перешли на «общее». Так?
- Так и было. Тебя интересуют «общее»? Так до «общего» мы не дошли. Мы и о частном не договорили.
- Броня, что-то в словах Лены тебе не показалось странным или подозрительным?
- Что ты подразумеваешь под странным и подозрительным? – В ответ Сима неопределенно повела плечами. Броня некоторое время сидела, погрузившись в себя, затем придушенным шепотом заговорила, - а помнишь, Сима, я тебе рассказывала, что мой покойный муж Илья бродит ночью по квартире. Мебель двигает, что-то шепчет. Ты посоветовала мне сходить в церковь...
- К чему эти воспоминания? - нахмурилась Устюжанина.
- К тому, что мой брат Бронислав, со слов Лены, сорок дней после своей смерти тоже приходил в свой дом и что-то искал.
- И все родственники, без исключения, его видели, общались с ним напропалую и пытались выведать, что ж ему понадобилось в доме, зачем он

всё ходит и ходит, нет бы уgomониться, - перешла на подозрительно трагический шепот Серафима.

- Ты, Сима, не иронизируй, - осадила ее Кидалова. – Я ТАКИХ историй за всю свою жизнь наслушалась, что волосы дыбом встают.

- Броня, я устала, слишком много впечатлений для одного дня. Если у тебя всё, то...

- Я, значит, пришла к ней за поддержкой и пониманием, а она меня выставляет за порог. Что ж, спасибо тебе, дорогая соседка, за любовь и ласку, извини за беспокойство, больше я тебя не потревожу! – Кидалова поклонилась в пояс и уже направилась к выходу, но хозяйка успела ухватить ее за руку и вернула на место со слова извинения.

Гостья не возражала, снова плюхнулась на стул и окаменела – ждала продолжения. Верхняя губа сильнее нависла над нижней, весь облик гостьи говорил о сильной обиде.

- Значит, вы говорили о покойниках, которые и после своей смерти не могут уgomониться – это я поняла, - заискивающе произнесла Серафима. – Броня, я тебя прошу, вспомни, что вы с Леной пили?

- Да, что ж ты заладила – что пили, что пили! – отмерла гостья.

- Вот ты обижаешься и совершенно напрасно, я хочу понять причину твоего странного состояния. Твои галлюцинации на пустом месте не возникли. За своими возмущениями ты скрываешь досаду. Я уверена, что с каждой минутой тебя все больше и больше гложут сомнения, потому ты и пришла ко мне. И я хочу тебе честно признаться: вид у тебя был неважнецкий – как с перепоя. И капитан полиции Степанов это заметил.

- Плевать мне на твоего Степанова с высокой колокольни.

- Не плюй в колодец... – резонно заметила Сима без продолжения, которое всякому известно.

Кидалова порывалась сбежать, но что-то ее удерживало на месте. Скорее всего, желание разобраться во вчерашнем. И в этом соседка Серафима была права – сомнения засели в душе и пустили корни.

- Да, не скрою, с утра я была немного ни в себе – какая-то заторможенная, полусонная и плохо соображающая, но от недомогания не осталось и следа, - без особой уверенности сообщила Кидалова. - А пришла я к тебе, чтобы поделиться своей радостью, рассказать о чуде чудесном.

- Пришла рассказать, потому что сама сомневаешься в правдивости рассказа Лены, - продолжила за нее Устюжанина. – Положа руку на сердце, признайся
- ты сразу приняла слова Лены на веру?

- Не сразу, а потом увидела в ней свою мать – улыбка очень похожа. Прямо, точь-в-точь.

- И внешнее сходство есть?

- Я не знала маму в возрасте Лены, а по старым фотографиям сложно судить.

- Броня, ты хотела увидеть в Лене внучатую племянницу, ты ее в ней увидела,
- резюмировала Сима.

Кидалова промолчала.

Чтобы все-таки получить ответ на интересующий вопрос, вызывающий негативное отношение у Брониславы, Устюжанина решила подбратиться с другой стороны.

- Наверно, ты на радостях накрыла стол, выставила все имеющиеся запасы. Чем ты потчевала гостью, Броня?

- Ничем особенным, что было в холодильнике, тем и угощала, - насупившись, пробормотала старушка. - Особо мы на еду на налегали, разговорами были сыты. Ну и без чая не обошлось, тем более, у нас был вкусный торт - Лена принесла.

- И сама Лена торт ела?

- Конечно! – с вызовом ответила Бронислава.

- И чувствовала ты себя в присутствии гостя вполне себе ничего?

- Суетилась больше обычного и трещала почти без умолку. перевозбужденная была. А когда Лена ушла, из меня будто все соки выпили. Была перевозбужденная, стала измочаленная – из одной крайности в другую. Наверное, давление подскочило, а потом резко упало. Так мой организм реагирует на стресс.

- Какие еще изменения ты заметила в своем организме после ухода Лены?

- Мысли разлетались в разные стороны, не могла их собрать до кучи. О чем-то начинаю думать, и сразу забываю. Никак не могу сосредоточиться, переставляю посуду с места на место, то в холодильник загляну, стою и думаю, что мне в нем понадобилось. И то в жар меня бросит, то от холода потрясывает. Еще подумала: не заболела ли часом?

- Почему сразу заболела?
- Нос заложило и в горле спазм.
- Спазм? Глотать было больно?
- Спазм. Будто кто-то душит. Я стакан воды разом осушила, будто бы полегчало. А потом...
- Потом ты услышала возню на лестничной клетке, вышла и увидела незнакомца. «Пообщалась» с ним...
- Хм... пообщалась.
- Ты забыла о чем-то еще рассказать? – насторожилась Серафима.
- Может, тот человек не понял меня? Ни одного слова не разобрал, потому что у меня язык заплетался? Допустим, он меня не понял, но в любом случае обратил бы на меня внимание, голову бы повернул. Или решил – бабка перебрала, чего на нее реагировать?
- Броня, тебе трудно было говорить, у тебя было рассеянное внимание... - принялась перечислять Серафима.
- Не просто трудно говорить, - перебила Броня, - мне было сложно выстроить предложение, сложно подобрать правильные слова. Я плохо соображала, однако, это не помешало мне установить предварительный диагноз - у меня микроинсульт на почве излишних волнений... Брат выжил в той войне, кто бы только мог подумать.
- После общения со слепо-глухонемым незнакомцем ты вернулась домой, - напомнила Сима.
- Естественно! Что мне еще оставалось?! Вступить с ним в рукопашную?!
- Я об этом не говорила.
- Ну, да, я вернулась домой, - поостыла гостья, - еле доковыляла до кровати и уснула крепким сном, чего ранее со мной не бывало – бессонница мучает уже который год. А ведь хотела - хотела же! - черт побери, хотя бы в «глазок» за ним проследить: когда выйдет, что у него будет в руках. Но где там, не до подсматриваний было. Так и продрыхла до самого утра, пока ты мне в дверь не позвонила.
- Всегда страдала от бессонницы, и вдруг проспала больше двенадцати часов кряду, - констатировала Устюжанина.
- Сама на себя удивляюсь.

- Почему Лена не осталась у тебя ночевать?
- Она была проездом в нашем городе. Погостила у меня часа три и поспешила на поезд. Обещала еще приехать, меня в гости приглашала.
- Номер телефона тебе оставила? Или адрес в Саратове?
- Мы с ней обменялись номерами телефонов.
- Давай, звони ей! – приказала Серафима.

Кидалова достала из кармана домашнего халата мобильный телефон, старенький, кнопочный. Нашла нужный номер и позвонила. Что-то выслушала, вскинув в удивлении брови, после чего промолвила:

- Говорят, набранный вами номер не существует. Вот дура старая - что-то с цифрами напутала... Хотя, Лена сама записала свой номер в моем телефоне.
- Ты ей сразу не перезвонила, чтобы проверить?
- Нет. А зачем?.. Сима, зачем ей меня обманывать? – со слезами спросила Бронислава. – Сима, разве подобными вещами шутят?
- Это совсем не шутки, дело очень серьезное, - покачала головой Устюжанина.
- С...серьезное? Ты так с...считаешь? - заикаясь и подсвистывая, проговорила старушка, не спуская полных ужаса глаз со своей соседки. – Но з...зачем? З...зачем ей всё это? - развела руки в стороны Бронислава, как будто Лена претендовала на жилплощадь Серафимы.

Серафима невольно обвела взглядом собственную кухню и пространно заметила:

- Твоя Лена, или как там ее зовут на самом деле, преследовала какую-то свою цель. Какую? Это нам предстоит выяснить.
- Получается, она... Лена мне... никто?
- Скорее всего никто и звать ее никак. В смысле, имя у нее есть, но она такая же Лена как я Марианна.
- Но откуда ей известна история моего брата Бронислава? Она так гладко всё говорила.
- Откуда известна? Кто-то рассказал, пусть без деталей. Детали она услышала от тебя.
- Тебе не кажется, Сима, что это слишком сложная операция ради кражи каких-то трехсот тысяч?

- А кто сказал, что целью преступников были деньги? Они преследовали совсем иную цель...
- Которую нам следует выяснить, - повторила недавние слова Симы Бронислава Кидалова.
- Всё происходящее меня сильно злит. И пугает, не скрою: я не знаю, чего от них еще ждать.
- Кому ты перешла дорогу, Сима?
- Ума не приложу.
- Вот и я... не приложу. Ты у нас вообще женщина положительная во всех отношениях.
- У каждого человека есть в шкафу свой скелет, - пробормотала Серафима, явно думая о чем-то другом.
- О чем это ты?
- Все мы грешны, в большей или меньшей степени.
- А конкретнее?
- Тебя капитан Степанов выставил из моей квартиры, поэтому ты кое-чего не знаешь... Про одну находку, обнаруженную на месте преступления. Если сказать, что я крайне удивлена такому совпадению, значит, ничего не сказать. Потому что быть такого просто не может... Вот тебе и «скелет» из шкафа.
- Что за находка? – подобралась Кидалова.
- Возле стола, на котором стояла ваза с конфетами и... другим содержимым, полицейские обнаружили водительское удостоверение на фамилию Абажурова.
- Абажурова? – удивленно протянула Бронислава, копясь в памяти. Ничего не вспомнив, злорадно высказалась, - вот радость-то Степанову – преступник оставил свой документ на месте преступления. Теперь остается поехать к этому гражданину и прижать его к стенке! Расколется, никуда не денется! – потирая руки, воскликнула она.
- Ерунда это полная – как пить дать, не было Абажурова на месте преступления. Но сейчас я не о краже денег, а о самом Абажурове... Пошевели-ка ты, Броня извилинами и вспомни человека с такой фамилией.
- С какой-такой фамилией? Абажуров, что ли? Так я сразу тебе скажу – впервые слышу я эту фамилию, точно тебе говорю.

- Дело прошлое, много лет минуло, потому ты и подзабыла. А я и хотела бы забыть, но...
- Получается, воспоминания, связанные с этой фамилией, тебе очень неприятны. Так, Сима?
- Тридцать лет, тридцать лет прошло, уже и Вани нет на свете, а я все забыть не могу того предательства.
- Тридцать лет... Предательство... Кажется, я кое-что начинаю припоминать, - выдохнула соседка. – Непростое для тебя выдалось времечко. Сердце в ту пору за тебя изболелось. И как не болеть сердцу?! Ведь что удумал, паразит... Прости мою душу грешную! На кого бы подумала, только бы не на твоего Ивана... Как жили, как жили! Душа в душу!
- Мда, вот так живешь с мужем душа в душу и не допускаешь мысли, что всё в один миг может измениться, - вздохнула Устюжанина. – Что мы, бабы, за народ такой: будто бы прощаем, но не до конца. Сидит внутри нас червь сомнения, он грызет и грызет, грызет и грызет. Пытаешься себя убедить – все в прошлом, плохое не вернется, но где там, - отмахнулась она. – Может быть, лучше с самого начала выбрать страусиную политику?
- Кому – как, - философски рассудила Кидалова. - Нечто подобное я от многих обманутых женщин слышала, мало кого обида отпустила, и недоверие не ушло с концами... Ведь я помню, как ты решилась поделиться со мной своими сомнения относительно Ивана.
- Сердце подсказало – что-то не так в наших отношениях. А сердце не обманешь, как ни пытайся. Говорят, жена о любовнице мужа узнает последней – не мой случай. Мне кажется, я сразу заметила перемены: вел он себя как нашкодивший кот. Предположила, зарплату получил и все деньги потерял, или украли в транспорте. Или в должности понизили. Или того хуже – уволили. Принялась постепенно допытываться. Оказывается, нет плохих новостей. Он всё о работе, о работе, о проблемах, о взаимоотношениях с подчиненными – зубы мне заговаривает. Ага, думаю, что-то ты темнишь, милый друг. Пошла к тебе...
- И я предложила проследить за Иваном. Ты отнекивалась, но я тебя убедила.
- Так выхода не было – хотелось выяснить, что происходит с моим мужем.
- То и происходит, что эта... женщина с пониженной социальной ответственностью задурила голову порядочному мужику. Конечно, ей замуж хотелось, а тут такая прекрасная кандидатура. Одна незадача – женат он, но жена, как известно, не стена, можно и подвинуть.

- В тот же вечер, когда я убедилась, что у Ивана есть любовница, я поставила вопрос ребром – или я, или она. Могла бы выставить его из дома с чемоданом и все дела. Иван не стал юлить и оправдываться, признался, что изменил, сам не может понять, как это произошло. Можно подумать, его арканом к ней затянули. После первого раза якобы одумался, решил объясниться с любовницей, та к нему подластилась и... объяснения перешли в продолжение. Но я дала ему шанс. Очень его любила.

- На этом его любовная история на стороне будто бы закончилась. Так я считала, потому что ты на эту тему больше не распространялась. А на самом деле? Что было потом, Сима?

- Ивану пришлось сменить место работы – та особа не давала ему прохода. А спустя время она снова дала о себе знать - нашла его и сообщила, что ждет от него ребенка.

- От Ивана? И он поверил? Я ж наводила о ней справки – на ней клейма негде ставить – говорю же, с пониженной социальной ответственностью!

- Не знаю, поверил он, не поверил, но мне обо всем честно рассказал. Естественно, уходить к ней Иван не собирался, но хотел дать ребенку свою фамилию и всячески о нем заботиться.

- А ты?

- Я проявила характер, заявив, что не желаю ничего слышать ни об этой Абажуровой, ни о ее ребенке! И точка! И если Иван меня любит, то он забудет об этой интрижке раз и навсегда. У него есть один сын Игорь и других детей не будет. Не знаю, пророческой ли стала та моя фраза, но больше мы с Ваней не смогли иметь детей, хотя, очень хотели еще девочку.

- Получается, Абажурова родила сына.

- Родила сына, - подтвердила Серафима, - и назвала его Николаем. Дала ему свою фамилию. Она звонила Ивану, чтобы поздравить... Я случайно подслушала их телефонный разговор.

- И хорошо, что подслушала, иначе не известно, как бы события развивались дальше. А так поставила жирную точку, без всяких многоточий.

- Я тоже так считаю.

- Слушай, Сима, выходит, это Николай приходил накануне и...

- И ничего не «и»! – не дала договорить Брониславе Сима. – С чего бы ему воровать деньги и оставлять на месте преступления «свою визитку», как выразился полицейский.

- Тогда что всё это значит: и неожиданное появление в моем доме девушки Лены, назвавшейся внучкой моего брата Бронислава, и кража денег у тебя, и водительское удостоверение Абажурова на месте преступления, и странный человек на пороге, которого я приняла за Ивана Кузьмича?

- Стечение обстоятельств, - ляпнула Серафима, - или...

- Или что?

- Пока не знаю. Но могу с уверенностью сказать, что между Николаем Петровичем Абажуровым и моим покойным мужем нет ничего общего – ты не могла обознаться, даже в том случае, если бы он прибавил себе возраста с помощью грима.

- Ты с ней виделась? С Абажуровой? Говорила с ней?

- Еще чего не хватало! И муки совести меня не мучили... до сегодняшнего дня.

- А с чего бы этим мукам сейчас появиться?! Сколько лет прошло. К тому же ты уверена, что Николай – не сын Ивана. И я в этом уверена. У этой Абажуровой было столько мужчин, что звезд на небе, просто Иван ее больше устраивал в качестве мужа, чем другие. Не вышло с одним, пошла к другому, вот и весь сказ.

- Я видела фото Николая на удостоверении. Я плохо помню его мать, но мне кажется, он похож на нее – такой же смазливый. С моим Иваном нет ничего общего. Или мне этого хочется – выдаю желаемое за действительное.

- Сима, - решительно вступила Бронислава Ефимовна, - человек, решивший тебе отомстить, неплохо подготовился, собрал информацию, возможно, нанял для этой цели частного детектива, привлек к делу блондинку Лену или как там ее зовут на самом деле. Та пришла ко мне, навешала лапши на уши, я размякла, позволила задурить себе голову разговорами о призраках, в итоге у меня разыгралось воображение.

- Выходит, что «мозг операции» осведомлен не только обо мне, но и о тебе. Он узнал о твоей впечатлительности, поэтому нисколько не сомневался, что человек возле моей квартиры будет принят за... явление с того света. И потом ты обязательно обо всем расскажешь мне. Как я на это отреагирую – это уже другой вопрос. Но моя реакция может быть непредсказуемой: все-таки меня постигло большое горе – даже здравомыслящий человек сильно меняется в

этих обстоятельствах... Или я всё усложняю - все события случайным образом совпали. Лена – действительно, твоя родственница, а с номером телефона произошла ошибка. Ты разволновалась, она разволновалась. После ее ухода ты была сама не своя, что-то померещилось.

- А водительское удостоверение Абажурова в твоей квартире?

- Удостоверение подбросил преступник. Я так и Степанову сказала: Абажуров мог потерять водительские права, кто-то их нашел и специально подбросил, чтобы следствие пошло по ложному пути.

- Ты сказала Степанову правду?

- Какую правду?! Что меня и Ивана связывает с этой семейкой?! Делать мне больше нечего!

- Раз ты не хочешь говорить об этом Степанову, то мы должны сами во всем разобраться. Надо отыскать Абажурову, мать Николая, и припереть ее к стенке. Дело прошлое, одного участника событий уже нет, уж прости меня на лишнее напоминание, поэтому она должна быть правдивой.

- Прежде, Бронислава Ефимовна, мы ходим с тобой к одному моему старому знакомому. Сдадим анализы...

- Это зачем?

- Чтобы убедиться, что в твоей крови и в моче нет никаких лекарственных препаратов, после применения которых у тебя... начались проблемы со здоровьем, - выкрутилась Серафима Максимовна.

- Говори прямо – галлюцинации, - с печалью протянула Кидалова, которая не уставала всем и каждому напоминать о своем здоровом уме и твердой памяти. Впрочем, случившееся с ней можно отнести к чуждому вмешательству, отсюда и разбушевавшаяся фантазия, которая в итоге исчезнет без следа. По крайней мере, она очень на этот надеется.

- Как ты себя чувствуешь? – пристально ее разглядывая, как какой-то ценный музейный экспонат, спросила докторица на пенсии.

- Прекрасно! – приврала Бронислава. – Поэтому нет смысла идти к врачу. Зачем зря беспокоить человека, отвлекать от ответственной работы!

- Надо, Броня, чтобы выяснить, была ли попытка вмешательства...

- Ничего не хочу слушать!

- Но это в твоих же интересах, - убедительно высказалась Устюжанина.

Бронислава Кидалова призадумалась и согласилась...

Как выяснилось по результатам анализов, в кровь Брониславы Ефимовны Кидаловой попал препарат «Лирика». Данный лекарственный препарат применяют пациенты, страдающие эпилепсией. Основным компонент препарата – прегабалин – оказывает быстрое действие после приема, передозировка приводит к спутанности сознания, быстрой смене настроения, галлюцинациям, апатии, головокружению, сонливости, заложенности носа, спазму в гортани, нарушению координации. Максимальная доза приема препарата не должна превышать 600мг за два-три раза. Кидалова получила дозу значительно выше, причем за один прием, при этом необходимо учитывать, что у пожилых людей суточная норма препарата должна быть уменьшена в связи со снижением функции почек.

Об этом терпеливо сообщила Устюжанина своей соседке, выглядевшей несколько пришибленной после получения результата анализов. Но просветить соседку Серафима была обязана и в заключении задумчиво добавила:

- Существенное уточнение – препарат «Лирика» отпускается по рецепту врача.

Сей факт кому-кому, а доктору Устюжаниной был доподлинно известен. Следовательно, девушка Лена, которая посетила Брониславу и накормила ее «Лирикой» в купе со счастливой историей или имеет непосредственный доступ к данному и ему подобным препаратам ввиду своей профессии, или у нее есть родственники, страдающие от эпилепсии.

Данный вывод тоже был озвучен Устюжаниной.

- И чем нам, в принципе, могут помочь результаты моих анализов и твои заключения, Сима? - высказалась Бронислава, не сказать, что окрыленная новостью о чужом вмешательстве в ее стойкий организм, но и не утратившая надежды на невиновность Лены: лекарственный препарат мог подмешать кто-то еще: занималась самообманом, не желая окончательно огорчаться и разубеждаться в искренности рода человеческого.

- Ты сама знаешь ответ, - выдержав короткую паузу, вымолвила Серафима Максимовна.

- Старый, что малый – доверчив и... обидчив, - в сердцах заявила Кидалова и еле-еле удержала рвущиеся наружу слезы. Ей было не только обидно, но еще

одолевала злость на себя – будто бы из ума не выжила, в людях разбирается, а сразу взяла и поверила какой-то авантюристке!

- Так уж бывает, - развела руками Серафима. Собиралась еще что-то сказать, но Бронислава опередила, справившись со своими эмоциями:

- Лично я нацелена на поиски мадам Абжуровой, бывшей любовницы Ивана Кузьмича, которая якобы родила от Ивана сына Николая. Нельзя откладывать это важное дело в долгий ящик!

- Абжурову? – переспросила Серафима, как будто у нее на руках был список из нескольких фамилий.

- У тебя есть другие предложения? – вкрадчиво поинтересовалась Кидалова с долей дерзкого предупреждения, вознамерившись вступить в спор в случае отказа.

– Да-да, «надо прыгать от этой печки» - начинать с Абжуровой. Для начала мы отправимся на бывшее место работы моего мужа Ивана, откуда я его выдернула...

- От греха подальше, - вставила Броня, значительно повеселевшая. А чего грустить и перемалывать недавнее прошлое, пусть и сильно ранившее ее? Все-таки результаты анализов показали, что из ума она пока не выжила, галлюцинации не повторятся, потому как разную лекарственную фигню по собственной инициативе она принимать не собирается. Дай бог, вообще не потребуется прием по разным показателям немолодого, но еще бодрого организма.

По дороге Бронислава Ефимовна Кидалова принялась рассуждать:

- Знаешь, Сима, что касается «родственницы» Лены, то, положив руку на сердце, я ей до конца так и не поверила, но... купилась. Спросишь, почему? Ну, разве не чудо, узнать о том, что человек, давно считавшийся мертвым, вдруг оказался живым. Даже не могу представить, что произошло бы с мамой, если бы она была жива. Ладно, со мной так поступили, я брата никогда не видела, он для меня чужой человек, но для мамы-то - родная кровиночка. Вот бывают же на свете такие дрянные люди, как эта Лена. Давят на самое больное место, не думают, что может случиться с пожилым человеком, которого ты пыталась обвести вокруг пальца в угоду своим завуалированным желанием, забывают, что гадости к тебе же и вернуться, потому что жизнь - это бумеранг... Вот только не могу понять одно - зачем Лена сочинила историю о чудесном исцелении моего брата, какую цель она

преследовала? Хотела втереться в доверие, чтобы я написала на нее завещание?

- В принципе, это возможно, - вставила Устюжанина.

- Но зачем меня травить химией? Хотела бы обчистить квартиру, не уходила, дождалась, когда лекарство начнет действовать... «Лирика» - ну, и название. Мечтательное какое-то.

- Какое? Мечтательное? – хмыкнула Серафима, на время вырвавшись из своих печальных мыслей.

Бронислава не обратила внимания и продолжила свои рассуждения.

- В старческий маразм еще не впала, из детского возраста давно вышла, а нет, взяла и приняла за чистую монету ее рассказы. Нехорошо-то как, ой нехорошо.

- Броня, ты плохо себя чувствуешь? - подобралась Устюжанина, уловив последнее высказывание.

- Хорошо я себя чувствую, - отмахнулась та, - я не о самочувствии, я о неуважительном отношении к личному прошлому. Как можно «воскрешать» мертвых, преследуя низменные цели.

- У отдельных личностей нет ничего святого, - согласилась Серафима.

- Я проголодалась, - торопливо сообщила Бронислава, быстро переходя от философии к прозе жизни.

Серафима была настроена по-боевому, мысленно готовилась к разговору с Абжуровой, желая выяснить правду, и, возможно, потянуть на кончик нитки из запутанного клубка. Хотя Степанов и показался ей человеком, внушающим доверие, но он загружен своей работой по макушку, у него есть дела поважнее, чем кража небольшой суммы денег из квартиры пенсионерки. Именно поэтому Серафима взяла инициативу в свои пока еще крепкие руки. Раз в этом деле косвенно оказался замешанным Николай Абжуров, то пора выяснить правду о его рождении.

Но заявление Брониславы Кидаловой Серафима услышала и спорить не стала, потому как у ее подопечной был нестабильным уровень сахара в крови – требовалось правильное питание, без больших перерывов...

После легкого перекуса Серафима Максимовна и Бронислава Ефимовна покинули квартиру Устюжаниной, чтобы приступить к претворению в жизнь своего плана. Бронислава Ефимовна не показала подруге вида, что у нее

отпало всякое желание куда-то ехать и с кем-то вести долгие разговоры. Как известно, после сытного обеда полагается поспать. Пусть в обед они обошлись без переяданий, но зевота начала одолевать Брониславу еще в квартире соседки, но она отважно боролась со своим желанием, чтобы соседка не отправила ее домой и не ушла одна. Лучше Симу одну не оставлять.

Ноги отказывались идти, но Бронислава тянулась за бойкой Серафимой. И только обе вышли из подъезда, как их тотчас окликнул Прохор Валежников, внучатый племянник Дарьи Петровны Лосевой, соседки с верхнего этажа, которая ухаживала за комнатными цветами Серафимы в ее отсутствие.

Прохор был высоким долговязым парнем, с копной невыразительно-русых волос, рассыпанными по всему лицу веснушками и вздернутым носом. Время от времени Прохор посещал парикмахерскую и расставался со своей копной, но волосы быстро отрастали, превращаясь в привычную экстравагантную прическу.

- Серафима Максимовна, - обратился к женщине Прохор, - мне надо с вами поговорить.

- Здравствуй, Прохор, - поприветствовали его две дамы, дружно и вдохновенно.

- Здравсти, - выдавил из себя парень, как будто элементарное приветствие мешало ему в сложном деле. И повторил с долей загадочности, - поговорить бы надо. Разговор конфиденциальный, - и выразительно посмотрел на Кидалову.

- Сима, что-то мне подсказывает, что разговор у вас будет долгим, поэтому предлагаю перенести наше дело на завтра. Тем более, что я чувствую себя усталой, - призналась Бронислава Кидалова и, не дожидаясь ответных слов, развернулась на сто восемьдесят градусов и двинулась в обратном направлении, причем слишком поспешно, чтобы ее не вернули.

Устюжанина проводила ее взглядом и беззлобно пробормотала: «Могла бы сразу сказать». После чего обратила взор на нервического Прохора, тербившего лямку своего рюкзака.

- Присядем на скамейку, - предложил он и уже направился в указанном направлении, но Устюжанина его остановила:

- Нет уж, пойдем ко мне, там и поговорим.

- К вам? - перешел на трагический шепот молодой человек и попятился, как будто его визави озвучила нечто непристойно-пугающее.

- Ко мне, - кивнула Устюжанина, прихватила Прохора под руку и потянула за собой. Тот упираться не стал.

В прихожей Прохор Валежников снял кроссовки, прошел в комнату, сел на диван, тотчас подскочил и пересел на стул возле стола. При этом сверлил взглядом только что покинутый диван, как будто на диване сидела некая рептилия, заметная ему одному. Хозяйка предложила ему чаю, но он отказался. Весь его серьезно-сосредоточенный вид говорил о готовности к разговору, к некому признанию. Догадливая Серафима Максимовна как могла оттягивала момент, не желая разочаровываться в парне, который ей был симпатичен своей несовременностью и заботой о своей бабушке, Дарьей Петровне Лосевой, страдающей от болей в позвоночнике.

- И все же я предлагаю выпить чаю! – констатировала хозяйка и скрылась в кухне. Долго отсутствовала, непонятно на что надеясь – что сделано, то сделано, назад не вернешь. Собиралась накрыть стол к чаю в гостиной, но на пороге кухни возникла долговязая фигура. Фигура потопталась, упала на табурет и еле слышно произнесла:

- Я пришел... чтобы...

- Поговорить, - подсказала Серафима Максимовна, не дождавшись продолжения.

- Я пришел, чтобы сделать заявление, - скороговоркой произнес парень и покраснел до невозможности.

- Только не говори мне, что деньги взял ты, - зачем-то предупредила Серафима, неожиданно разозлившись на себя, на парня, заодно и на Лосеву, по неизвестной причине.

- Я? - округлил глаза Прохор и быстро-быстро затряс головой, - нет, что вы, я не брал ваши деньги, но я... я догадываюсь, кто их мог взять... Поэтому и пришел... Хочу помочь... в расследовании.

- Помогай, - предложила Серафима, оставила в покое чашки, чайник и потрусилась в комнату, желая видеть перед собой вазу с конфетами – своеобразный сейф, оказавшийся ненадежным.

Она не сказала гостю ни слова, но гость тоже потрусил за ней. Сима пристроилась на диване, но неведомая сила подняла ее с места - последовала примеру гостя и перебралась на стул. Прохор приземлился напротив хозяйки и выжидающе взглянул на нее, как будто именно она была инициатором их задушевной беседы. Но напряжение, возникшее за столом, ни на какую задушевность не намекало. Сима постучала ногтями по столу,

призывая гостя к действию и намекая на отсутствие выдержки. Прохор заторопился:

- Серафима Максимовна, я вас уверяю, что верну вам все деньги до копейки...

- погоди, ты же минуту назад сказал, что не брал денег, но знаешь, кто совершил кражу.

- Я не уверен, я догадываюсь, кто мог это сделать. Я попытался самостоятельно отыскать этого человека, однако... возникли сложности, - упавшим голосом договорил парень.

- Ты можешь назвать имя этого человека? Что ты о нем знаешь?

- Сколько у вас украли? – спросил Прохор, словно не услышал вопроса.

- Триста.

- Триста? Ничего себе... Но все равно... я верну.

- Прохор, давай-ка обо всем по порядку. Я начну, а ты продолжишь. Или поправишь меня, если я вдруг ошибусь... Ты познакомился с девушкой, она тебе понравилась, и ты...

- Лучше я сам. С девушками у меня отношения не складываются. Они меня серьезно не воспринимают. В социальных сетях познакомлюсь, договоримся о встрече, встретимся, пообщаемся и на этом все. Дальше первого свидания дело не идет. Не имею я общаться, не знаю, какие слова говорить. Я им неинтересен... Вы правы, недавно я познакомился на улице с необыкновенной девушкой...

- Не Леной случайно зовут? – не удержалась от вопроса Устюжанина. – Блондинка с длинными волосами?

- Нет, не Леной, - потряс головой Прохор. – Она назвалась Вероникой. Шатенка с короткой стрижкой... Возвращался я как-то из колледжа, шел по тротуару, а впереди меня идет фигуристая девушка. Лица не вижу, но догадался - красотка. Она вдруг останавливается, снимает с плеч рюкзачок, что-то ищет в нем и начинает вертеть головой. Ясно - что-то потеряла по дороге. Заметила меня и говорит: «Представляешь, кошелек выпал, а когда и не заметила». – «Много денег было?» - спрашиваю я. – «Сегодня стипендию получила», - отвечает она, а сама едва сдерживает слезы. Я предложил пойти в обратном направлении, вдруг обнаружим пропажу. Хотя, надежды мало: кто-то обязательно найдет и присвоит. Неподалеку стоял газетный киоск. Девушка и говорит: «Я возле него останавливалась, бабушке журнал покупала». Я подошел и спрашиваю у киоскера, не отдавал ли кто-то потерянный кошелек.

А киоскер с недоверием отвечает: «Да, отдавал, но прежде чем вернуть, хочу выяснить у вас, как выглядит кошелек?» Вероника быстро его описала, даже рассказала, сколько в кошельке было денег. Тетка-киоскер кивнула и вернула кошелек со словами «не будь растеряшей, не так много сейчас честных людей». На радостях Вероника предложила сходить в кафе-мороженое. Я, конечно, согласился. Уж очень она мне понравилась. Мы с Вероникой начали встречаться. Спустя неделю она мне прямо сказала, что в свою общагу она меня привести не может, а ходить по кино и шататься по улицам ей надоело. Я сказал, что ко мне нельзя, я живу с бабушкой.

- А почему она живет в общаге, если у нее тоже есть бабушка, которой она покупала журнал?

- Вероника волонтер, та бабушка для нее чужой человек.

- Девушка Вероника поставила вопрос ребром. Выхода у тебя не было: или искать место для свидания, или потерять ее навсегда. А тут как раз такое место появилось – моя квартира. Хозяйка уехала из города, а ключи от квартиры оставила соседке, чтобы та поливала цветы. Ты знал, где твоя бабка хранит ключи, тихонечко их экспроприировал и привел свою девушку в мою квартиру.

- Так все и было... Один раз всего лишь. Но я не видел, как Вероника взяла деньги. В вазе с конфетами она копалась, я еще ее приструнил, чтобы не брала чужое, а она - «я без сладкого жить не могу». Когда бабушка, чуть не плача, сообщила мне, что у вас украли деньги, и теперь подумают на нее, я решил сказать вам правду. Кроме бабушки и меня с Вероникой, в вашу квартиру никто не заходил. Но ни бабушка, ни я ваших денег не брали. Получается, их взяла Вероника.

- Тут поговаривают, что еще призрак ко мне наведывался.

- Нормальный человек в этот бред не поверит. Что уж говорить о полиции.

- Получается, ты пытался найти Веронику, но тебе этого сделать не удалось.

- Пытался, без результата. И на звонки она не отвечает.

- Что ты о ней знаешь?

- Почти ничего.

- Что значит, почти? Вы с ней встречались какое-то время, что-то с ней обсуждали, вели беседы. Давай, вспоминай, что она рассказывала о себе ?

- Вероника больше рассказывала о волонтерской работе, о помощи старикам, уверенно сыпала медицинскими терминами. После я сложил в уме все скудные сведения и заключил, что Вероника имеет отношение к медицине. Лично я знаю названия лекарств только из рекламы по телику или какие-то всем известные препараты, как анальгины-пенталгины, и лекарства, которые врач бабушке прописывает, я ей сам в аптеке покупаю. Вот так и пришел к выводу, что она медичка. Не доктор, конечно, а медсестра. Но раз живет в общежитии, значит, пока учится на медсестру.

- В нашем городе всего один медицинский колледж, надо туда навеститься и навести справки об этой Веронике. Но что-то мне подсказывает, что она такая же Вероника, как я Тутанхамон. Но надо что-то делать. Можно прийти к зданию колледжа перед началом занятий и подождать. Вдруг она появится. Но необходимо твое присутствие... Прохор, ты меня слушаешь?

- Я... слушаю...

- О чем задумался?

Прохор глубоко вздохнул и решился:

- Вероника о себе ничего не рассказывала, на мои простые вопросы не отвечала, увиливала, но мне стало интересно, и я... решил за ней проследить. Заметил, как она входит в подъезд в один дом на улице Тургенева. На двери кодовый замок, но дверь долго закрывается, поэтому я успел заскочить в подъезд вслед за Вероникой. И до меня дошло, что меня обвели вокруг пальца: оказалось, что в подъезде есть еще один выход, когда я зашел, как раз закрывалась вторая дверь, никаких шагов я не услышал, и лифт стоял на первом этаже, я проверил. Тогда я выскочил через второй выход и успел увидеть, как Вероника садится в автомобиль, который сразу рванул с места.

- Вероника села на водительское место?

- За рулем сидел... кто-то. Я не разобрал, мужчина или женщина. Вероника села на место пассажира.

- Марка автомобиля? Номер?

Прохор пожал плечами. Подумав, сообщил:

- Что-то совсем неказистое, молодые девушки и подобные машины – два несовместимых понятия.

- «Жигули» шестерка цвета «баклажан», - ляпнула Устюжанина.

Проход свел брови на переносице, изобразив работу мысли, потом снова поднял худые плечи, задержался в такой неуклюжей позе и снова их опустил.

- Получается, Вероника заметила за собой слезку, ей было известно, что в этом доме сквозной проход, по дороге она кому-то позвонила, поэтому ее кто-то поджидал, - рассудил он.

- Твоя Вероника хотела, чтобы ты за ней проследил и решил, что она живет в этом доме. Она не рассчитывала, что ты окажешься проворен и успеешь проскользнуть в подъезд. А когда ты за ней следил? Не в тот ли день, когда вы предавались утехам на моем диване? – прямолинейно спросила Устюжанина.

- В тот, - выдохнул Валежников. – Мы с ней вместе вышли во двор, на улице уже вечерело, но было еще светло, я предложил Веронике ее проводить, но она наотрез отказалась. Я подумал, что она... обиделась...

- Потому что ты не оправдал ее ожиданий, - обронила Серафима. – Хотел загладить вину, договориться о новой встрече и пошел за ней.

- Мне показалось, что она играет – хочет казаться обиженной, но с трудом сдерживает радость. Радость человека после удачно сделанной работы. Или все гораздо проще – она неожиданно разбогатела на триста тысяч рублей, отсюда и сдержанное счастье. Выставлять напоказ не могла, чтобы у меня не возникли вопросы или... чтобы я... много о себе не возомнил.

- Удовлетворение от удачно выполненного задания, - пробормотала Серафима. – Проход, ты не заметил, ключи от моей квартиры ее интересовали?

- В том-то и дело, что да! Я заметил, как Вероника... что-то делает с ключами, но сначала значения не придавал. Она слишком поспешно вернула ключи на место. Ее последующее поведение и эта суета с вашими ключами заставили меня задуматься и сделать неутешительный вывод: наша встреча на улице была заранее спланирована. Не я ее интересовал, а ключи. Выкрасть ключи она не имела возможности, но могла сделать слепок, а по слепку изготовить еще один комплект ключей. Выходит, деньги она украла не в тот день, а позже, когда у нее на руках появился дубликат ключей?

- Не думаю.

- Тогда у меня вообще нет предположений, зачем ей понадобились ключи от вашей квартиры, если деньги она прихватила в день нашего свидания в вашей квартире. Хотела еще чем-то поживиться?

- Вероника действовала по чьему-то указанию. Кто был ее заказчиком, мы можем узнать только в том случае, если найдем Веронику.

- Серафима Максимовна, вам надо в срочном порядке сменить замки, - после паузы деловито произнес Прохор. – Не известно, что у этих людей в голове.

- Я не стану этого делать.

- Ну, почему? Вам грозит опасность. Вы сильно рискуете.

- Возможно.

- Вы расскажете в полиции обо мне и о Веронике?

- Я обязана это сделать, чтобы полиция направила все свои силы на ее поиски. У них больше возможностей, чем у нас. Их поиски займут гораздо меньше времени, чем наши посиделки-постоялки у медколледжа, и наша засада у колледжа, согласись, все равно что «тыканье пальцем в небо» – у нас нет уверенности, что Вероника учится в этом учебном заведении.

- Значит, вы всё расскажете полицейским, - выдохнул Прохор.

- А ты, братец, как хотел?! Тебе тоже наука – будешь разборчивей в знакомствах, не влипнешь в очередную историю.

- Как все доктора, вы прямолинейны и жестоки.

- Слов благодарности ты от меня не дождешься, не надейся. Как и оправдания. Тебе, Прохор, не десять лет, пора бы мозги включать.

- Я и не надеялся. Наверное, вы правы – поделом мне. Со своей стороны, я обещаю всяческое содействие следствию, - торопливо высказался он и торопливо удалился...

Сообщать или не сообщать капитану полиции Степанову последние новости, Серафима пока не решила...

Незаметно на город опустились сумерки. Сима почувствовала сильную усталость. Только хотела уютно пристроиться на диване и вздремнуть под бубнящий телевизор, как в дверь позвонили. От испуга и неожиданности сердце трепыхнулось в груди.

Надо сменить замки, а не изображать из себя героя, - подумала Устюжанина и на цыпочках подкралась к входной двери. Заглянула в «глазок». На лестничной площадке маячила Бронислава, установив руки на талии, словно

собиралась перейти к вечерней гимнастике прямо на лестничной площадке. Заодно хотела подключить соседку.

Сима распахнула дверь и вопросительно уставилась на «спортсменку».

Та опустила руки по швам, проникла внутрь и решительным шагом направилась в кухню. Хозяйка проследовала за ней, хотела включить свет, но Броня быстро сориентировалась и прошипела:

- Не надо, - при этом притопнула ножкой.

С превеликой осторожностью подобралась к кухонному окну и прямо через тюль принялась изучать двор, тихо приговаривая:

- Куда ж он подевался, ведь только что был...

- Кто он? Кого ты потеряла, Броня? - шепотом спросила Устюжанина, стоя на пороге кухни.

- Чего ты там замерла, как изваяние, иди сюда, - возмущенно призвала ее гостья, не повышая голоса.

Хозяйка на непослушных ногах подошла к окну и так же сквозь тюль изучила не совсем еще темное небо с одной светящейся на нем точкой, похожей на инопланетный объект - особенно, если прищурить глаза. Так Серафима и поступила, лишь бы не подключиться к поискам, не сулившим ей ничего хорошего. Поддаваться психозу, грозившему перелиться в массовый, у нее не было никакого желания. И без того ощущала себя не совсем адекватным человеком после ухода супруга.

- Куда ты смотришь? – накинулась на нее Кидалова. – На небе нет ничего интересного.

- Что за женщина?!? Ворвалась ко мне, шарит глазами по улице, заговаривается. Что происходит, я тебя спрашиваю?

- А то и происходит, дорогая моя, что... я видела его!

- Тааак, - с угрозой протянула Устюжанина и взвилась, - дурка по тебе плачет, вот что я тебе скажу.

- Спасибо на добром слове, - сквозь зубы процедила Бронислава Ефимовна. – Но я обязана была прийти и сообщить, что я своими глазами видела во дворе Ивана Кузьмича. Он стоял и смотрел на ваши окна. Я отважилась и вышла на балкон, окликнула его, а он... сделал вид, что меня не слышит. Стоит себе и стоит, смотрит себе и смотрит... на окна. Что, скажешь опять надо сдавать анализы? Так я ничего не употребляла! - Кидалова отошла от Серафимы на

два шага, с пристрастием ее изучила, удовлетворенно покивала каким-то своим умозаключением и с придыханием заявила, - зря я делаю быстрые выводы, ой, зря – ведь ты меня угощала обедом. И что выходит? А то и выходит, что ты решила меня со свету извести.

- Я? Тебя? Со свету?.. Было бы смешно, если бы не было так грустно.

- А что, скажешь, ты мне не подсыпала в еду лекарство, вызывающее галлюцинации? То самое, с мечтательным названием?

- Лечиться надо.

- И тебе бы не помешало.

- Броня, остынь. Пораскинь мозгами, зачем мне вызывать у тебя галлюцинации? – совершенно спокойно спросила Сима.

- А вот это мне тоже хочется узнать. Зачем?

- Броня, иди спать, завтра поговорим.

- Серафима, я предлагаю восстановить перемирие, даже беру свои слова обратно, но ты должна меня понять – моему возмущению нет предела! Почему я опять вижу призраков?

- Они уже во множественном числе?

- Слава бога – нет. Является один и тот же и ты его знаешь.

- Нет слов.

- Сима, ради нашей дружбы, пожалуйста, давай вместе спустимся во двор и проверим, - предложила Кидалова.

- Что ж у нас за дружба такая, если один человек голословно обвиняет другого непонятно в чем.

- Ну, извини. Была не права.

- И все равно я никуда не пойду, делать мне больше нечего, как бродить по двору в поисках странных субъектов, - хмуро заметила Устюжанина.

- Возможно, у меня разыгралось воображение после всех событий - я женщина впечатлительная. Чтобы я успокоилась, надо пойти и проверить.

- Зачем куда-то идти, если видно, что во дворе никого нет.

- Сейчас нет, а раньше был. Мы походим, поищем следы... пребывания.

- Иди сама и ищи, юный следопыт!

- Вот удивляюсь я на тебя, Сима! – всплеснула руками Кидалова, - вокруг тебя такие странные дела творятся, а ты относишься к происходящему безответственно! Я тебе заявляю со всей ответственностью - надо разобраться. Согласна?

- С чем мы будем разбираться? – усталым голосом спросила Серафима и повторила, указывая за окно, - ты сейчас кого-нибудь видишь? Нет! На нет и суда нет.

- В том-то и дело, что будто бы не ночь, а во дворе ни души, с чего бы вдруг? А? - загадочно высказалась соседка и продолжила, - погода прекрасная, тихий вечер, гуляй и наслаждайся.

- Так ты всех запугала своими призраками, - хмыкнула Сима.

- Допустим, призраки не мои...

- Броня, иди спать! – рявкнула хозяйка.

- Сначала мы с тобой прогуляемся, а потом разойдемся по своим квартирам. Кстати, ты замки поменяла?

- Еще одна? – закатила глаза Серафима.

- Люди о ней заботятся, а она возмущается, - высказалась о ней в третьем лице Кидалова. – Так идешь со мной или нет?

- Иду, ты все равно не отстанешь...

Пока дамы спускались в лифте во двор, Серафима успела вкратце пересказать разговор с Прохором Валежниковым.

- Из всего рассказанного тобой я могу сделать следующий вывод: Лена и Вероника – одно лицо, - уверенно заявила Бронислава Ефимовна, первой покидая подъезд. – И пусть Лена – блондинка с длинными волосами, а Вероника – коротко стриженная шатенка, это ничего не значит: нацепил парик и все дела.

- И какая же она настоящая? – заинтересовалась Сима, с опаской изучая такой знакомый и привычный двор.

- Коротко стриженная, а цвет волос можно изменить, - задумчиво изрекла Бронислава, вращая головой. Потом посеменила к скамейке возле детской площадки. Сима заторопилась за ней.

- Вот здесь он стоял, - указала место Бронислава, - здесь-здесь, чуть левее скамейки. Придвинулась ближе, согнула спину и присмотрелась. – Кажись, здесь есть следы... Ну, точно, Сима, следы от мужских ботинок.
- Мало ли, кто здесь мог стоять, - передернула плечами Устюжанина. – Какой-нибудь поклонник одной их живущих в нашем доме девиц.
- А это что? – заинтересовалась находкой Кидалова, извлекая из-под скамейки скомканный фантик от конфеты.
- Броня, ты как маленькая – подбираешь всякую гадость, - попыталась остудить ее ищечный пыл Устюжанина.
- Гадость – не гадость, а на кое-какие мысли наводит. Посмотри-ка, Сима! Тебе эта обертка ни о чем не говорит?
- Ух ты, она умеет разговаривать, - поерничала Устюжанина. Но издали присмотрелась – взять в руки не решилась. Броня растянула обертку двумя пальцами, как обычно это делают, показывая денежную купюру. - И что с того? Можно подумать, только Иван любил леденцы «Мытные».
- Их днем с огнем не сыщешь. Можно купить только на оптовом рынке, в одном маленьком ларечке. Когда я на рынок ездила, ты мне всегда эти леденцы заказывала. Сама-то ты предпочитаешь отовариваться в супермаркетах.
- Это укор?
- Не цепляйся к словам, сказала и сказала.
- Значит, Иван стоял на этом месте, гонял по рту леденец «Мытный» и сверлил взглядом наши окна, - констатировала с плохо скрываемой дрожью в голосе Серафима Максимовна.
- По крайней мере, человек, который здесь стоял, очень напомнил мне покойного Ивана.
- Верное уточнение – покойного. И еще немаловажное – напомнил. Как известно всем здравомыслящим людям, покойники по ночным улицам не шастают...
- Если у них на это нет причины, - договорила Бронислава Ефимовна.
- День выдался тяжелым, пора спать, - сказала Серафима и потянулась к подъезду. Бронислава засемила за ней, приговаривая:

- Лучше тебе у меня переночевать. Слышь, Сима? Переночуй у меня, так мне и тебе спокойнее. А завтра вызовем слесаря и сменим замки.

- Ничего со мной не случится.

Вернувшись домой, Серафима Максимовна затворила входную дверь, мысленно ругая свою беспечность с купе с самонадеянностью. Даже вознамерилась согласиться на предложение соседки и переночевать у нее, но природная вредность и привычное нежелание пасовать перед трудностями не позволили.

Серафима всегда презирала трусов, но... завтра она пригласит слесаря и поменяет замки. Не трусиха, но подростковый вызов в данном случае неуместен.

Нет, завтра с утра у нее есть дела поважнее. Вечером, все вечером. А днем, в ее отсутствие, пусть себе приходит, хоть призрак, хоть просто непрошенный гость. Главное знать - приходил или не приходил, потом действовать по обстоятельствам. Для «проверки» прищандорит к двери и к дверному проему свой собственный волосок со своей собственной головы. На месте волос - непрошенных гостей не было, порван волос – ответ понятен.

С напускным спокойствием Сима Устюжанина приняла душ, выпила чаю с медом, пыталась смотреть телевизор, но транслируемый бред ее не захватил совершенно, если ни сказать – вызвал стойкую неприязнь ко всему происходящему. Спрашивается, на какую аудиторию рассчитан данный художественный «шедевр»?

Внутреннее возмущение слегка затмило душевный дискомфорт, колеблющийся на грани полумрачного.

Сима взялась за книгу, но мысли улетали в сторону, она не могла сосредоточиться на прочитанном, постоянно возвращалась к началу страницы. Устав от бесполезного занятия, выключила настольную лампу и собралась уснуть. Куда там! Перед глазами стояла соседка Бронислава, возмутительница ее сомнительного спокойствия.

Надо бы показать ее хорошему психиатру, - подумала Серафима.

Она не могла понять, почему «сдвиг по фазе» у соседки произошел именно сейчас? Никаких причин и влияний извне, кажется, не было. В прошлый раз, когда в жизни Брониславы Кидаловой появилась лжеродственница, стало ясно, кто «поспособствовал» появлению галлюцинации, но сейчас Бронислава постоянно была рядом, за редким исключением, она научена

горьким опытом, сделала правильный вывод, поэтому видения не могли появиться... Но появились. И с этим необходимо что-то делать.

Серафима перебирала в уме, к кому из знакомых ей специалистов психиатрии обратиться за помощью, как вновь начала обуревать сомнения:

А если и, правда, Броня видела Ивана? Что-то не позволяет ему успокоиться, он за чем-то приходит, чего-то хочет... Стоп! Кажется, я знаю, зачем он приходит: Иван приходит за мной. Много лет прожили вместе, в разлуке нам невыносимо. Но что делать мне? Пойти за ним, совершив самоубийство? Или Иван намекает, что я скоро умру?.. Одна знакомая жаловалась, что во сне к ней постоянно приходит ее покойная бабка, ничего не говорит, только стоит и смотрит на нее. Вскоре знакомая погибла: стояла на остановке, мимо проезжал автомобиль, водитель не справился с управлением, наехал на людей. Четверо пострадали, один погиб. Знакомой сильно не повезло.

Серафиму начал бить озноб. Она укуталась в шаль, пристроилась на диване и прикрыла ноги теплым пледом. Откинула голову на спинку дивана и закрыла глаза. Попыталась отвлечься от ненужных мыслей, неправильных, ей несвойственных.

Да, Иван ушел, мне без него плохо и одиноко, но я не хочу следовать за ним. Пусть сын давно вырос, у него своя семья, но родители всегда были и будут главными людьми для детей. Сын потерял отца, я не имею права лишить его еще и матери. Сын – это крепкий канат, который удерживает меня от опрометчивых поступков. Поэтому я не собираюсь развивать мысль с сумасшедшинкой, я даю себе твердую установку: Бронислава не могла видеть Ивана, она видела мужчину, внешне на него похожего. Смеркалось, зрение у нее не ахти, хоть, она и уверяет в обратном, вот и привиделось. Это что касается сегодняшнего вечера. С предыдущим случаем мы как будто разобрались.

Внутренний холод и мандражирование сменились мягким теплом и мирным спокойствием. Тепло исходило из груди и растеклось по всему организму. Сима сбросила с плеч шаль, отпихнула плед и потопала в спальню...

Когда Серафима Устюжанина заканчивала завтракать, в дверь позвонили. Из-за двери сразу раздался предупреждающе-зычный голос Кидаловой:

- Сима! Это я!

Сима открыла дверь. Бронислава стояла перед ней полностью одетой. Заметив домашний вид Серафимы, констатировала:

- Кто рано встает, тому Бог подает.
- Дай мне пять минут на сборы.
- Я тебя во дворе подожду, - сказала Бронислава Ефимовна.

Ровно через пять минут из подъезда вышла Устюжанина. Дамы направились к автобусной остановке. Еле втиснулись в маршрутку по причине часа пик. Бронислава заметила:

- Надо было пешком идти.
- Надо было выждать час-другой, - вторила ей Серафима. Бронислава лишь возмущенно посопела и уперлась острым локтем в спину соседа поневоле – пухлого мужичка невысокого роста. Мужик охнул, повернул голову в сторону объекта моментально возникшей неприязни, возжелал сказать что-то мстительно-убийственное, но Кидалова наградила его таким «доброжелательным» взглядом, что у того отпал всяческий интерес к выяснению отношений. Он попытался отодвинуться, прижал к поручню сильно покрашенную девицу, ничего не замечающую кроме своего смартфона, однако, получив по лбу поручнем, девица взвыла и обозвала мужичка «тушей неповоротливой». Мужик извинился и отпрянул, вернувшись в исходное положение. Во избежание назревающего скандала, Серафима поменялась с Брониславой местами.

Бронислава несколько раз пыталась заговорить с Симой, обсудить дальнейшие действия, но та прерывала каждое ее вступление и говорила «после».

Слегка помятые дамы выбрались из маршрутки и зашагали в сторону бывшего места работы Ивана Кузьмича Устюжанина. Накануне Серафима связалась с одним старым знакомым покойного мужа и навела справки об Абажуровой, но с соседкой полученными сведениями не поделилась. Сима очень надеялась, что их поездка не будет бесполезной, они получают ответ на вопрос о водительском удостоверении Николая (о родственной связи она старалась не думать).

До вчерашнего дня Сима знала имя Абажуровой - Зинаида, отчество подсказал знакомый мужа, бывший его коллега, который по-прежнему трудился на предприятии, как и интересующая Симу особа.

Зинаида Игоревна Абжурова, как и тридцать лет назад, занимала должность инспектора отдела кадров. Даже в начальницы не пробралась, но видимо, свое дело знала хорошо, раз ее не проводили на заслуженный отдых. Или Абжурова получала такую зарплату, что желающих на ее место не нашлось. Второе – более вероятно.

Давняя история, связанная с Иваном и Зиной, напомнила Симе один известный анекдот: ложки нашлись, но осадок остался - она будто бы простила мужа-изменника, но до конца так ему и не доверяла, постоянно пребывала в состоянии настороженной тревоги. Даже в преклонном возрасте она не успокоилась, только с безвременным уходом мужа, как ни ужасно это звучит, старая душевная рана начала медленно затягиваться, однако, нет-нет, в голову лезет противная мысль – в чем ей так и не успел признаться Иван? С чего она взяла, что у мужа были... тайны, подобные адюльтеру с Зинкой Абжуровой? Ответ прост - изменив раз, глотнув воздух относительной и пугающей свободы, не можешь отказать себе в очередном приключении, снова и снова, тем более, когда тебя «оградили высоким забором» - просыпается спортивный азарт. Неопытная в подобных приключениях Серафима нисколько в этом не сомневалась...

В отдел кадров предприятия можно было попасть беспрепятственно, что дамы и сделали. Они дружно поздоровались и осмотрелись. В кабинете стояло три стола, два из которых были заняты. На одном сидела женщина средних лет, худая до изнеможения, с бледным лицом и ярко-накрашенными губами, в связи с данным обстоятельством казалось, что на лице есть одни губы, всё остальное неожиданно терялось. За другим столом сидела та, что изредка являлась Симе в кошмарных снах. Сима тотчас узнала Абжурову, несмотря на прошедшие годы, сильно изменившие ее. Некогда фигуристая молодуха превратилась в толстую тетку, неухоженную и неприятную. Толстая тетка жевала пирожок, зажатый в левой руке, а правой рукой сжимала компьютерную «мышь». Вошедшие женщины отвлекли ее и от поедания пирожка, и от монитора.

- Зинаида Игоревна, нам бы поговорить... по личному, - обратилась к ней Серафима.

Абжурова не сказала ни слова, с трудом выбралась из-за стола, положила недоеденный пирожок на салфетку, потерла ладони друг о друга, и направилась к выходу из кабинета, сообщив коллеге «я скоро вернусь».

Женщины оказались в небольшом предбаннике перед отделом кадров. Пространство занимали стол, четыре стула, а вдоль стены протянулись

несколько сцепленных сидений из кожзаменителя, как в старом кинозале. Зинаида подумала и предложила занять стулья у стола. В предбаннике было пусто, потенциальные работники не стремились устроиться на работу на данное предприятие.

- Меня зовут Серафима Максимовна Устюжанина, я вдова Ивана Кузьмича Устюжанина.

- Я вас узнала. Надо признать, что вы хорошо сохранились для своих лет, - высказала Зинка сомнительный комплимент. Сима пропустила ее слова мимо ушей. – Да, я слышала, что ваш муж погиб. Примите мои соболезнования.

Сима в ответ кивнула и сказала:

- Я понимаю, что мой вопрос покажется вам запоздалым, но мне хотелось бы знать – ваш сын Николай рожден от Ивана?

- Да уж, вопрос запоздалый. Но я не хочу напускать туману, тем более нет никакого смысла, скажу прямо – нет, Николай рожден от другого мужчины.

- Но вы говорили...

- Мало ли что я тогда ему наговорила. Иван мне нравился, но параллельно с ним у меня были еще отношения. Когда Николай родился, я его увидела и поняла, чей он сын – он как две капли воды похож на своего отца. С которым, кстати сказать, мы сошлись и некоторое время жили в гражданском браке, но быстро разочаровались друг в друге. Он признал сына, но свою фамилию дать отказался. Он мне изменял с каждой юбкой, я его выгнала. Он ушел и забыл о нас. И ведь знала, что он из себя представляет... Только время зря с ним потеряла. Если у вас всё, что я пойду работать.

- Погодите, Зинаида Игоревна, - остановила ее Серафима Максимовна и коротко поведала о недавнем проникновении в ее квартиру и о найденном на месте преступления водительском удостоверении на имя ее сына, Николая Павловича Абжурова.

- Этого еще не хватало! – искренно перепугалась женщина. – Вы хотите сказать, что мой сын...

- Зина, мы пришли не за тем, чтобы обвинять вашего сына, - вставила молчаливая до сей поры Бронислава Ефимовна. Будто бы и фраза была примирительной, и голос убедительно-успокаивающий, но чем-то Бронислава Зинаиде не глянулась. Она набросилась на нее:

- А вы, вообще, кто такая?!

- Я соседка Устюжаниных, - терпеливо пояснила Кидалова. – Мы несколько десятилетий живем бок о бок, так что эта семья давно стала мне родной. О вашей связи с Иваном мне было известно, у Симы нет от меня секретов, - с долей хвастовства сообщила она. - В настоящий момент я помогаю Симе в расследовании – на полицию надежды мало. Поэтому мы пришли к вам, не стали ничего скрывать, чтобы услышать ваши соображения на этот счет.

- Что я могу знать? – передернула плечами толстуха, - взрослые дети не шибко делятся с родителями своей жизнью. Но я заметила, что Коля не садится за руль своего автомобиля, предположила, что он разбил машину, замучила его вопросами, он и признался - потерял водительское удостоверение...

- Давно это случилось? – спросила Серафима.

- Недели две назад.

- Как это произошло?

- Николай работает старшим менеджером в одной туристической компании, у них случился корпоративный праздник по случаю очередной годовщины компании, он выпил, не стал садиться за руль и вызвал такси. Только утром заметил, что потерял права.

- Что ж он документ постоянно в кармане носил? – не поверила Бронислава Ефимовна.

- Откуда мне знать? – развела руками Зинка и недобро на нее взглянула: все-таки Бронислава ей была антипатична.

- Кроме удостоверения, что-то еще пропало? – спросила Серафима, в очередной раз перехватывая инициативу.

- Будто бы только права.

- Потерял и теперь они «вспыли» в квартире Серафимы, - подытожила Кидалова. – И вот теперь разберись, почему и зачем? Знамо дело – преступник подбросил, а то, что удостоверение на имя Абажурова – нелепая случайность. Других мыслей у меня нет.

- Ой, затаскают мою Колю, ой, затаскают, - закручинилась Абажурова.

- Расследование ведет капитан полиции Степанов, - сообщила Сима, - мне он показался честным и порядочным человеком, знающим свое дело. Надеюсь, он во всем разберется.

- А я вот о чем подумала, - напряженным голосом вступила Зинаида, - если у моего Николая ничего, кроме водительских прав, не пропало, то можно

предположить следующее – некто у него эти права умыкнул на том самом корпоративе, преследуя свой интерес. И так выходит, что...

- План в голове преступника созрел заранее, - договорила за нее Устюжанина. Женщины обменялись добросердечными взглядами, позабыв о старой войне за одного мужчину.

- И все-таки со стороны ВСЁ ЭТО выглядит невероятным, – вмешалась Бронислава, выделив два слова. Попыталась закусь от волнения верхнюю губу, но у нее не вышло.

- Если до кого-то не доходят очевидные вещи в виду скудости ума, но это не значит, что ничего подобного не происходит, - виртуозно высказалась Абажурова.

Бронислава взглянула на нее с открытой угрозой, но дерзить поостереглась. Не потому, что побаивалась даму в другой весовой категории – не хотела устраивать скандал в ненужное время в ненужном месте и в присутствии человека, мнением которого она дорожила.

- Наверно, теперь невозможно узнать, где Николай мог потерять свое удостоверение или кто мог его стащить, - с заметным отчаянием произнесла Серафима. Головная боль началась еще в маршрутке, сейчас усилилась, как результат, наступила апатия, подкралось желание остаться с собою наедине.

- В такси мог посеять, – предположила Бронислава. – Или на празднике. Других вариантов нет. Про вора – вилами на воде писано.

- Если бы на празднике, то ему вернули права, - резонно заметила мать потеряшки.

- Надо начинать с агентства, - подумав, сказала Устюжанина.

- Верно-верно, - запричитала ее подруга, - надо туда поехать и осмотреться - авось кого-то и замечу... из знакомых.

- Бронислава Ефимовна, ты намекаешь на то, что твоя гостья работает в той же туристической компании, что и Николай? – удивленно вскинув брови, произнесла Устюжанина. Бронислава согласно кивнула.

Абажурова хмуро взирала на двух женщин, говоривших загадками. Она поняла одно - им необходимо встретиться с ее сыном.

- Что от меня требуется? – подобралась Зинаида.

- Нам бы адрес туристической компании, - с доброй улыбкой произнесла Кидалова, позабыв про возникшее между ними недоразумение...

Туристическая компания с несвойственным для подобных учреждений названием «Эхо» была разбросана по трем адресам, но головной офис располагался на улице Гоголя, тридцать семь. Здесь же трудился Николай Абажуров. Мать ему позвонила и предупредила о визите двух женщин, в квартире одной из которых обнаружили его водительское удостоверение. И зачем-то спросила, где сотрудники их компании отмечали праздник. Николай ответил - в ресторане «Незабудка», дело было две недели. Эту информацию Зинаида Игоревна тут же передала находящимся рядом Серафиме Максимовне и Брониславе Ефимовне. И добавила, что сын готов с ними побеседовать и попытается ответить на все вопросы, но поздний вечер того злополучного дня он помнит плохо по известной причине – переусердствовал с выпивкой.

Николай ждал двух женщин возле входа в офисное здание.

Сима увидела высокого молодого мужчину, крепкого телосложения, даже красивого, но без явной симпатии. Так случается, если человек заранее составил собственное мнение и «зарядился» антипатией. Или незнакомец с первой минуты неподобающе себя ведет, изображая «пуп земли».

Да, Сима заранее себя настроила против Николая Абажурова, несмотря на то, что обвинять его в грехах матери нельзя. Именно об этом она твердила себе, желая избавиться от ненужных эмоций и повести разговор в правильном тоне.

Однако, Николай не глянулся ей с первой минуты, хотя, широко улыбнулся при знакомстве и сообщил о полной своей готовности, слегка в шутливой форме. Серафима сделала вывод, что он человек несерьезный и безответственный, сквозь пальцы смотрящий на свои проблемы, что уж говорить о чужих.

Абажуров поведал о событиях того вечера, когда он потерял свое водительское удостоверение. Ничего нового не сообщил, а Бронислава не выдержала и обронила без печали в голосе, как будто ни на что другое не надеялась:

- Получается, зря тащились в центр города!

Эта фраза подстегнула приунывшую Устюжанину – больную голову озарила одна идея, ничуть не связанная с заявлением подруги. Сима не замедлила озвучить свой вопрос молодому мужчине:

- Николай, скажите мне пожалуйста, на вашем празднике присутствовали посторонние люди? Люди, не имеющие отношения к вашей компании, но, возможно, являющиеся кому-то из ваших коллег родственниками или близкими друзьями?

Николай выдержал паузу – призадумался, после сообщил:

- На праздничном мероприятии присутствовали супруга и дочь нашего генерального.

- И это всё? – настороженно поинтересовалась Серафима Максимовна, а Кидалова взглянула на нее с укоризной, и даже решительно взяла ее за руку, чтобы увести подальше: что за вопросы, право-слово, причем здесь посторонние?!

Николай не обратил внимание на цепкие пальцы старушки, впившиеся в запястье Устюжаниной, он был погружен в мыслительный процесс.

- Да, была еще пара-тройка посторонних, - выдал он после паузы. - Кажется, мой приятель приходил со своей девушкой, у них скоро свадьба.

- Очень хорошо, - похвалила его Серафима, - кого-то еще вспомнили?

- Нуууу, - затянул Николай, сложив губы в трубочку и закатив глаза – усиленно восстанавливал память, взбодренный похвалой. - Моя бывшая притащила парня, хотела мне что-то доказать... Кто еще... Моя коллега Милка Оськина пришла с сестрой, она всегда ее за собой таскает. Что-то мямлит о ее депрессии. Будто бы она бедная-несчастливая. Привела бы себя, сестрица эта, в божеский вид, не была бы бедной-несчастной. Без слез на нее не глянешь, чес-слово. Она пыталась со мной пофилософствовать о жизни, но у меня на тот момент были другие интересы. Не до философствований мне было.

- А как-то можно ее увидеть? Сестру вашей Милки Оськиной? Как ее зовут, кстати? – спросила Бронислава Ефимовна, с недоверием поглядывая на молодого мужчину и не выпуская из рук тонкого запястья подруги, как будто та собиралась сбежать.

- Зовут ее... Милена. Или Вилена. Точно не помню. Надо у Милки спросить... Но сейчас это никак не получится – укатила Милка в одну жаркую страну.

- И сестру с собой прихватила? – испуганно спросила Устюжанина.

- Никак нет, - почему-то по-военному отрапортовал Николай. - Милка уехала по «горящей» путевке, которую приобрела за шапку сухарей. Путевка была одна, так что пришлось сестричку дома оставить.

- А когда Мила уехала?
 - На следующий день после того корпоратива.
 - Значит, вы не помните, как зовут ее сестру?
 - Милена... Нет, не Милена. Виленка.
 - Точно?
 - Старшая сестра - Мила, а младшая - Виленка. Точно! Обе носят фамилию Оськина.
 - Нам бы фотографии посмотреть с корпоратива. Не может быть, чтобы на празднике вы не фотографировались.
 - Кажется, у меня в смартфоне есть фотки, не успел перекинуть на ноут. Сейчас я гляну. – Николай покопался в своем телефоне и воскликнул, - во! Нашел! Вот я, вот Милка, а это ее сеструха, Виленка.
 - Женщины внимательно изучили фотографии сестер, особенное внимание уделив младшенькой Оськиной.
 - Ну, что, узнаешь? – спросила у Броснилавы Серафима. Та еще какое-то время пристально изучала фото, то приближая к глазам, то отодвигая.
 - Черт ее разберет – она или не она. Скорее – нет, чем да: уж очень эта Виленка невзрачненькая.
 - Из таких невзрачненьких хорошо делать взрачненьких, - рассудила Устюжанина и обратилась к источнику информации, смазливому, но не симпатичному, возвращая ему телефон, - Николай, вам известно, чем занимается Виленка? Где-то учится или работает?
 - Учится в медицинском колледже, круглая отличница – это со слов старшей сестры, которая очень гордится младшей. Эта младшая и выглядит как ботаничка-зубрила.
 - Вот, значит, как – в медицинском, - пробормотала себе под нос Кидалова, выпуская из своих рук запястье подружки и нервно потирая собственные виски.
 - Сестры живут вместе? – поинтересовалась Устюжанина.
 - Кажется, вместе. Я у них в гостях никогда не был, но могу узнать адрес.
 - Мы будем вам очень благодарны.
- Николай исчез, вскоре вернулся и протянул листок бумаги с адресом.

- Что с вашим водительским удостоверением? – спросила Серафима, взглянув на листок бумаги.
- Я уже новое успел получить, а утерянное, как говорится, прошу считать недействительным. Полиция разобралась и ко мне претензий не имеет.
- Всё хорошо, что хорошо заканчивается, хотя бы для вас. И спасибо вам за помощь.
- Обращайтесь...

Серафима предложила Брониславе тотчас отправится к Вилене Оськиной и посмотреть на нее воочию – вдруг это именно она приходила к ней под видом родственницы Лены. Можно, конечно, прихватить с собой еще Прохора Валежникова, пусть тоже взглянет на Вилену и выскажет свое мнение: вдруг Вероника и Вилена – одно и то же лицо. И это «лицо» экспроприировало деньги из чужой квартиры.

Но Бронислава наотрез отказалась, сославшись на усталость и недомогание. И заметила:

- Ты пораскинь мозгами, Сима, могла эта девчонка самостоятельно разработать такую сложную операцию, смысл которой нам пока не ясен? Не могла, ясное дело. Значит, заявившись к ней, мы можем спугнуть более «крупную рыбу». Мне ее даже немного жаль – девчонка служит орудием в руках хитрого и коварного человека.
- Но мы можем на него выйти с ее помощью. Никак иначе.
- Это конечно, но... если честно, то меня гложут сомнения, что эта неказистая Вилена могла превратиться в красавицу Лену.
- Фотография ни о чем не говорит, надо поехать к ней и понаблюдать со стороны. Оценить походку, мимику, жесты, что-то еще. Может быть, Вилена не имеет отношения к этой истории, а может...
- Нехорошо мне что-то, Сима. Домой хочу. Давай завтра поедem и понаблюдаем.
- Давай завтра, - с сожалением произнесла подруга.

Женщины направились в остановке общественного транспорта. На дороге Сима спросила:

- Бронислава Ефимовна, ты, случайно, Прохора с его девушкой не видела?

- Можно подумать, я целыми днями расслаиваю во дворе на скамейке и слежу за прохожими? – с долей возмущения высказалась соседка.

- Могла услышать шорох и разговор на лестничной клетке, могла увидеть, как эта парочка заходит в мою квартиру.

- Можно подумать, я весь день торчу у своей двери и слежу за жильцами в дверной «глазок»! – продолжила гнуть свою линию бойкая старушка. - А то у меня своих дел нет!

- Прохор много чего наболтал Веронике, пытался завладеть ее вниманием. Кажется, и о твоей истории поведал, но он точно не помнит, - доложила Устюжанина, вышагивая по тротуару.

- Я не удивлена: откуда-то Лена почерпнула информацию, - задумчиво заметила Бронислава. – Одно не пойму – зачем меня сюда вплетать? Какая мне роль отведена? Психопатки, которой мерещатся призраки?.. Сима, а что вчера вечером было?

- Вот так и знала, что рано или поздно ты к этому вернешься!

- Я пить хочу, - перевела разговор на другую тему Кидалова. – И кофе хочу. У меня низкое давление, я это чувствую.

Серафима повертела головой, заметила неподалеку кафешку с уличной верандой и потащила туда соседку. Они расположились за столиком и заказали по чашке кофе с пирожными и минеральную воду без газа.

- Сейчас перекусим, передохнем и поедем к Вилене, - отчеканила Устюжанина.

- А мое мнение уже никого не интересует, - сквозь зубы процедила злобная старушка.

- Назвался груздем, полезай в кузовок.

- Да, я вызвалась оказывать тебе всяческую помощь и поддержку, но не забывай, сколько мне лет – люди моего возраста не могут гонять по городу без отдыха, - усталым голосом произнесла Кидалова. Несмотря на заявленную усталость, она не могла усидеть на одном месте, ерзала на стуле и вертела головой.

- Броня, что с тобой? Ты можешь сидеть спокойно и не привлекать к себе внимание? – нахмурилась подруга, невольно озираясь по сторонам.

- Ну, чего ты вертишь головой, - шикнула на нее Бронислава и нацепила на уста улыбку городской сумасшедшей. – Ты кофе-то пей, чего сидишь как не родная.

- Ты можешь мне объяснить, что происходит? – трагическим шепотом поинтересовалась Устюжанина, последовала ценному указанию и взяла в руки чашку.

- Сима, тебе не кажется, что за нами кто-то постоянно наблюдает? – по-прежнему светясь от безумного счастья, спросила соседка еле слышно.

- Милочка, да у вас мания преследования, - хмыкнула Устюжанина.

- А у меня ощущение...

- Лучше тебе не продолжать, - осадила ее Серафима и протараторила, - кофе отвратительный, погода отвратительная, как и мое настроение.

- Кофе как кофе – пить можно, погода...да, погода резко испортилась. Как бы дождя не случилось. А от настроения никуда не уйдешь – на это есть веская причина, - резюмировала Кидалова, избавившись от глупой и неестественной улыбки.

- Пора возвращаться домой, чтобы не вымокнуть до нитки, - оставляя чашку, заявила Серафима.

- Даже погода на моей стороне, - взбодрилась Кидалова и пояснила, - теперь ты не будешь настаивать на поездке к Вилене Оськиной.

- Я и не собираюсь тебя уговаривать, - отмахнулась Серафима Максимовна, сама измотанная до крайности.

По этой причине - от усталости и от нежелания вымокнуть до нитки - она вызвала по телефону такси, чтобы быстро и с комфортом добраться до дома.

Однако, подкатив на такси к дому, женщины заметили чистое голубое небо, только вдали маячила убегающая туча, которая все же успела слегка окропить асфальт. Пернатые - голуби и воробьи - дружно плескались в луже, образовавшейся на асфальте после чрезмерного полива цветочных клумб: дворник, по известной только ему причине, предпочитал орудовать поливочным шлангом перед наступающим ненастьем. Традиция у него такая. Факт плескания пернатых в луже все-таки служил доказательством возвращения непогоды.

Бронислава Ефимовна предложила посидеть на скамейке и подышать свежим воздухом, но Серафима отказалась и потянулась к подъезду.

Брониславе ничего не оставалось делать, как последовать за ней, при этом приговаривая:

- Вот не пойму я тебе, Сима, почему ты не хочешь поменять замки на двери, неужто так сложно...

- Закрыли тему, - цыкнула на нее Сима.

Оказавшись на своей лестничной клетке, направились каждая к своей двери, не обронив ни слова: у Симы не было желания разговаривать, а Бронислава выказывала обиду.

Серафима Устюжанина долго искала ключи в сумке, на самом деле, ждала, когда соседка исчезнет за дверь. Только после этого она присела и проверила – проникал ли кто-то в квартиру в ее отсутствие. Незаметный для непосвященных волос был цел, следовательно, можно ничего не бояться.

Только Серафима вставила ключ в замочную скважину, как соседская дверь распахнулась, в дверном проеме показалась известная личность.

- Сима, что-то меня тревожит, - загадочно сообщила она, переминаясь с ноги на ногу.

- Слишком много впечатлений за один день. Зря я потащила тебя с собой.

- И ничего не зря, одна голова хорошо, а две лучше.

- Сейчас я дам тебе успокоительное, тревога уйдет, ты ляжешь и уснешь.

- Не хочу я никаких таблеток. Они одно лечат, другое калечат.

- Что ты предлагаешь?

Бронислава стояла, потупив взор.

– Если ты мне жалуешься на свое состояние, значит, хочешь получить от меня помощь. Так? – вкрадчиво и с легко читаемой заботой произнесла Устюжанина. Она успела вскрыть замки и распахнуть свою дверь.

- Сима, ты траву валерианы завариваешь? Знаю, что раньше ты всегда ее заваривала. Твоего настоя я бы выпила, все-таки травка, без всякой вредной химии.

- Нет, я траву валерианы сейчас не завариваю, я ее для Ивана заваривала, а для себя ленюсь. Честно сказать, я и без валерианы заторможенная.

- Это всё от нервов и переживаний. Ты не высыпаясь, поэтому надо пить настой три раза в день, не только на ночь.

- Спасибо, доктор, за совет, - усмехнулась Серафима.
- Смеется она, - пробурчала Бронислава Ефимовна и захлопнула дверь.
- Вот и пойми – плохо ей или хорошо, - вздохнула Устюжанина и скрылась в своей квартире.

Скинула обувь и направилась в ванную, чтобы вымыть руки, но в дверь настойчиво позвонили.

- Давно не виделись, - сказала хозяйка, увидел на пороге свою неугомонную соседку. – Пришла за таблетками?

- Сдались мне твои таблетки! – отмахнулась Кидалова. – Сима, я спросить пришла... только ты не ругайся...

- Интригующее начало.

- Продолжение будет не лучше, - брякнула Бронислава. Собралась с духом и выпалила, - Сима, ты уверена, что похоронили Ивана Кузьмича?

Устюжанина отпрянула от соседки, ошалело глядя на нее, будто та была пришельцем с другой Планеты, в чем сию минуту призналась. «Пришелица» смотрела на нее с участием и состраданием, будто знала о ней больше, чем сама Сима. И эти знания были убийственными.

- С какой стати возник этот вопрос? – выдавила из себя Серафима, кое-как совладав с сумбуром в нездоровой голове.

- Потому что я в своем уме, а вижу... призраков. Если я в своем уме, но это никакой не призрак, а человек, и зовут этого человека Иван Кузьмич Устюжанин, никак иначе, - рассудила Кидалова. – Только не говори мне, что это двойник Ивана. Не было никакого двойника, а вдруг, через месяц после похорон Ивана Кузьмича, он возьми и появись. Спрашивается, зачем? Хочет занять его место?

- Чье место? – не поняла Серафима, утонув в воспоминаниях недавнего прошлого. Она в городской морге, проходит опознание... Труп был сильно обезображен после серьезной аварии, но Сима узнала мужа, без всяких других мнений.

- Двойник хочет занять место Ивана, - неуверенно пробормотала Кидалова.

- Броня, твое психическое состояние меня тревожит.... Тебя тревожат твои видения, как ты сама заявила пару минут назад, а меня - твое душевное состояние, - скорректировала прежние слова Серафима.

- Если бы я чувствовала, что у меня шарики за ролики, - покрутила пальцем у виска Бронислава Ефимовна, - я бы так и сказала, в этом бы крылась причина моих... видений. Но я из ума не выжила, в разных призраков и привидений верить не должна и видеть их не должна. Но я вижу, следовательно, это не призрак, а живой человек. Так выходит?.. Конечно, это человек, как я и ты, - более уверенно продолжила она. - Только я это я, ты это ты, а тот человек – двойник Ивана... Или сам Иван. Поэтому я задала тебе такой странный и неожиданный вопрос - кого мы похоронили? Если Ивана Кузьмича, значит, вчера под окнами стоял его двойник – человек, как две капли воды похожий на твоего покойного мужа, который тоже, как и он, любит мятные леденцы того же производителя.

- Не знаю, кого ты там видела под окнами, но месяц назад мы похоронили моего мужа, как ни трудно мне это принять. Так что ты не могла его видеть ни на пороге нашей квартире, ни во дворе, ни где-то еще. Внуши это себе, наконец. Не бреди мне душу.

- Сима, тебе нужно успокоиться, взять себя в руки.

- С тобой успокоишься...

- Заваривай траву валерианы и пей ее регулярно, три раза в день, - не обращая внимания на слова соседки, приказала Бронислава Ефимовна.

- Это тебе нужно пить валериану.

- Ты уж прости меня, Сима. Наверно, сказываются последствия лекарственного отравления, - покидая квартиру, пробубнила Кидалова.

Устюжанина захлопнула за ней дверь и прошептала:

- С ума с ней сойдешь, честное слово. Будто бы хочет помочь, но от ее помощи мне только хуже... Может, и вправду, заварить травку и попить три раза в день, чтобы не реагировать на чужой бред?

Так и поступила. Заварила траву валерианы и замерла возле кухонного окна, погружившись в свои думы.

Затем взялась за телефон и позвонила Прохору Валежникову. Узнала, где тот находится – дома - и предложила спуститься к ней.

Прохор появился через две минуты. Устюжанина коротко поведала о появлении в деле нового лица – Вилены Оськиной.

- Прохор, мы завтра собираемся с Брониславой ее навестить, ты мог бы присоединиться к нам?

- Хотите провести опознание – убедиться, что Вероника и Вилена – один и тот же человек?

Серафима кивнула.

- Конечно, я могу отложить все дела и поехать с вами, но мы можем поступить гораздо проще – я попытаюсь отыскать Вилену Оськину в социальных сетях, посмотреть ее фотографии. Тогда и ехать никуда не нужно.

- У нее есть старшая сестра, Мила, она работает в туристической компании «Эхо», – сообщила Устюжанина, - возможно, тебе эта информация поможет.

- Я понял, - на ходу сказал Прохор и исчез.

Серафима не могла усидеть на месте, бессмысленно бродила по квартире. После странных сомнений Брониславы, в голове осталась одна звенящая пустота, которая выдавила даже печальные воспоминания. Но от этой звенящей пустоты Симе стало не по себе, словно голова жила отдельно от остальных частей тела, а остальные части тела она не могла контролировать.

Серафима не заметила, сколько прошло времени после ухода Прохора, она вообще забыла обо всем на свете, но неожиданно прозвучавший звонок в дверь послужил сигналом к возвращению к себе самой, к себе прежней, пусть и не стопроцентно прежней.

Вернулся значительно повеселевший Прохор Валежников. Он с трудом отдышался, как будто успел пробежать стометровку на скорость, желая установить мировой рекорд, и сообщил:

- Это она. Это Вероника.

- Вот так значит, - протянула женщина, которая несколько не сомневалась в положительном ответе. – Твоя Вероника – это и есть Вилена Оськина?

- Она, - выдохнул Прохор, - она не ленится выкладывать свои фотки в соцсетях. Я заметил, что она любит экспериментировать со своей внешностью. Артистка, по-другому не скажешь.

- Артистка, - эхом повторила за ним Устюжанина.

- Я выяснил, что Вероника... то есть Вилена учится с медицинском колледже и еще... она посещает драматический кружок при Доме Культуры «Строитель».

- ДК «Строитель», - задумчиво пробормотала Устюжанина, пытаюсь вспомнить, в связи с чем или в связи с кем она знает об этом Доме Культуры.

- ДК «Строитель» находится на площади Труда, - подсказал Прохор.
- Постой! Я вспомнила: наша Бронислава Ефимовна работала в этом ДК бухгалтером, в после выхода на пенсию там же вела кружок вязания. Но это было давным-давно, твоя Вероника-Вилена еще под стол пешком ходила.
- Что нам дает эта информация? – деловито поинтересовался Валежников.
- Не знаю, - ответила Сима. Пораскинув мозгами, сказала, - это всего лишь совпадение, я в этом нисколько не сомневаюсь.
- Теперь мы точно знаем, как зовут человека, который стащил у вас триста тысяч, - повеселев, произнес Прохор. – Надо идти к Вилене и требовать, чтобы она вернула ваши деньги. Вернет, никуда не денется, если хочет договориться по-хорошему, без участия следственных органов.
- С себя ты вину полностью снял? – сузив глаза, спросила Устюжанина. – Мы ей пригрозим, она вернет деньги, я заберу из полиции заявление и все будут счастливы.
- Что вы, нет, я с себя вину не снимаю, я виноват и готов ответить, - бодро заявил парень.
- Сама не знаю, чего на тебя набросилась, - опомнилась Серафима. – Надо тебя поблагодарить... Спасибо за помощь...
- Не за что меня благодарить, сам создал проблему, сам и буду ее решать.

Серафима Максимовна кивнула и задумчиво проговорила:

- Возможно, я так и поступлю – заберу заявление, если Вилена вернет деньги и расскажет правду – кто ее втянул в это дело и с какой целью. Хотя, не думаю, что она много знает, ее использовали в темную. Истинная цель известна только заказчику...

Утром телефонный звонок отвлек Устюжанину от созерцания травяного настоя. На ночь она забыла выпить снадобье, а утром всё стояла и раздумывала – пить или не пить. Именно в этот момент зазвонил ее мобильник и высветился незнакомый номер. Сима ответила.

- Серафима Максимовна, здравствуйте, вас беспокоит Николай Абажуров.
- Доброе утро, Николай. Что-то случилось?
- В том-то и дело, что случилось. Потому и утро совсем не доброе. Дело в том, что вчера вечером из отпуска вернулась Мила Оськина. Она должна была

сегодня выйти на работу, но позвонила и сообщила, что ночью погибла ее сестра, та самая Вилена, о которой мы говорили накануне.

- К...как это п...произошло? – заикаясь от неожиданной новости, спросила Устюжанина.

- Поздно вечером Вилена вернулась из Дома Культуры «Строитель», оказывается, она занималась в драматическом кружке, оказывается, у нее талант, а я и не знал, и вот... вернулась она домой, и ей кто-то позвонил. Они с сестрой толком не успели пообщаться. Вилена сказала Миле, что ей нужно отлучиться на время. Мила ждала сестру, начала беспокоиться и позвонила ей. Но ответила не Вилена, а незнакомый мужчина, он представился сотрудником ДПС и сообщил страшную новость: на пешеходном переходе Вилену сбила машина. Она скончалась до приезда «Скорой помощи». Очевидцы рассказали, что это был старый автомобиль отечественного производства. «Жигули». Темного цвета. Без номеров. Им показалось, что наезд был несчастным. Машина стояла на обочине, потом рванула, когда девушка оказалась на пешеходном переходе.

- Дело принимает серьезный оборот.

- Серафима Максимовна, вы успели пообщаться с Милой?

- В том-то всё и дело, что не успели. Хотели сегодня...

- Серафима Максимовна, я не сказал Миле, что вы вчера приходили и интересовались ее сестрой. Зачем ей ненужная информация.

- Я сама обо всем расскажу правоохранительным органам. Вилена оказалась втянутой в нехорошую историю, за что и пострадала...

Вспомнив про правоохранительные органы, Устюжанина тотчас связалась с капитаном полиции Степановым и попросила о встрече. Степанов сообщил, что находится неподалеку, поэтому заедет к ней сам.

Степанов позвонил в ее дверь через пятнадцать минут, которые Сима провела в мысленных спорах с собой.

Хозяйка спокойно и обстоятельно рассказала Степанову о своих успехах в поисках преступника.

- ...Я хотела убедиться, что Вилена Оськина, Лена, гостя Брониславы Кидаловой, и Вероника, подруга нашего Прохора Валежникова, – это одно и то же лицо, и только потом идти к вам, но, увы, мне не удалось провести очную ставку между всеми участниками спектакля, потому что накануне на

Вилену Оськину был совершен наезд неким транспортным средством, предположительно старенькими «Жигули» без номерных знаков.

- Я читал об этом дорожном происшествии в утренней сводке.

- Жаль девчонку, заигралась, не думая о последствиях.

Степанов взялся кому-то звонить. После коротких переговоров вернулся на кухню к Серафиме и сообщил:

- Мои коллеги проверили входящий звонок на мобильный телефон погибшей Вилены Оськиной. Номер зарегистрирован на некую гражданку Сиротину. Сиротина скончалась полгода назад. Причина смерти естественная, от старости. Ей было девяносто два.

- Ниточка обрывается, - задумчиво протянула Серафима.

- Я получу разрешение на обыск в квартире Оськиной. Надеюсь, она не успела потратить украденные у вас деньги.

- Мне кажется, это ни ко времени, - промямлила женщина.

Степанов ничего не ответил и ушел.

Через некоторое время он позвонил и сообщил, что похищенные деньги в размере трехсот тысяч рублей были найдены в квартире Оськиной. О происхождении этих денег сестра погибшей ничего не знает, она сестру не баловала деньгами. Вся сумма будет возвращена после окончания следствия.

Устюжанина отключилась и прошептала:

- Черт с ними, с деньгами, лучше бы девушка осталась жива...

Она пошла на кухню, чтобы выпить настой валерианы и успокоиться. Уже взялась за чашку, но вдруг опомнилась: куда подевалась соседка? Почему ее не видно и не слышно?

Серафима поставила полную чашку с настоем на стол и отправилась к Кидаловой.

Сначала приложила ухо к двери, не услышала никаких звуков, потом решила позвонить. От волнения сердце прыгало в груди, как бешеное. Дверь долго никто не открывал, затем послышались шаркающие шаги, последовало изучение в дверной «глазок» и, наконец, светлым очам гостьи предстала хозяйка.

- Вот так умру, и никто ко мне не придет проверить, жива я или мертва. Так и буду лежать неделю и гнить, - пробурчала она.

- Это вместо приветствия? - высказалась Сима и переступила порок квартиры. Изучив пунцовое лицо соседки, спросила, - небось давление подскочило? Ты лекарства принимала?

- Принимала, только они не помогают.

- Почему мне не позвонила, я бы сразу примчалась.

- Примчалась бы она, тоже мне «скорая помощь».

- Ты сегодня не в духе? Сейчас я сбегая за тонометром, измерю тебе давление, заодно уровень сахара в крови проверю, только после этого буду принимать необходимые меры.

- Не хочу я ничего! – раскапризничалась Бронислава Ефимовна. – Ты меня лучше в психушку определи, - поникшим голосом проговорила она.

- Что? Опять призрак Ивана тебе явился?

Кидалова возмущенно посопела в ответ.

- Ну, что молчишь?

- Не хочу тебя волновать, - буркнула Броня, развернулась и направилась в комнату. Там легла на кровать и сложила руки на груди.

Последовавшая за ней гостья выразительно посмотрела, оценив сцену постепенного ухода в мир иной, после чего отправилась к себе домой за всем необходимым для возвращений больной к жизни.

Давление у Кидаловой было повышенным, но не запредельно, уровень сахара и того в норме. Докторица на пенсии напоила больную лекарством, налила большую кружку чаю с лимоном и поставила чашку на прикроватную тумбочку.

Бронислава возвращалась в свое обычное состояние.

- Устала лежать, - сообщила она и опустила ноги с кровати. Взяла двумя руками чашку и принялась пить чай маленькими глотками, хитро поглядывая на гостью и спасительницу в одном лице.

- Какие новости? – все-таки поинтересовалась Бронислава Ефимовна.

- Никаких.

- Так уж, - не поверила бывшая тяжело больная. Допила чай, вернула чашку на тумбочку и опять растянулась на кровати.

- Это правильно - тебе необходим постельный режим. Я тоже виновата – таскаю тебя за собой. Тебе волнения и физические нагрузки противопоказаны.
- Ты, Сима, здесь ни причем, - высказалась Броня и поджала губы, верхняя губа по обычаю поглотила нижнюю. – Ведь я опять его видела, - в итоге призналась она. Симе было ясно без лишних слов, кого видела соседка. - Он опять стоял во дворе у скамейки и опять смотрел на твои окна.
- В котором часу?
- Поздно уже было. За полночь, наверное. А ты в окно не выглядывала?
- В это время я уже спала, - приврала Серафима. – Неужели ты его разглядела в кромешной тьме?
- Почему в кромешной тьме, он под фонарем стоял. Как бы специально выбрал место – чтобы его заметили... Черт меня дернул в окно выглянуть. Я так впечатлилась увиденным, что с сердцем плохо стало. Выпила корвалолу, чуть полегчало. Даже уснула, а потом проснулась от за грудиной боли. – Броня прижала кулачок в груди, указывая место. – Как будто кто-то нож воткнул – так больно. Думала, инфаркт.
- Нет, не инфаркт, ущемление сердечной мышцы. Ты находишься в постоянном напряжении, в постоянном стрессе, отсюда и боли. Хочешь, я принесу тебе своего настоя?
- Заварила, значит? Давно пора.
- Так принести? - повторила свой вопрос Серафима, но соседка как будто ее не слышала.
- Потому и спала спокойно.
- Я и без настоя спокойная, как... памятник Ленину на площади... Кстати, о площадях! – опомнилась Устюжанина. – Твой ДК «Строитель»...
- При чем здесь мой ДК? – подобралась Кидалова, не дослушав.
- Я заговорила о площади, где стоит памятник вождю, и вспомнила о ДК «Строитель»...
- И какой стати вспомнила? – в очередной раз перебила соседка. - Зачем он тебе понадобился? Я там больше не работаю. Давно не работаю.
- Знаю я, что не работаешь, а давно ли там была?
- Сто лет назад. А зачем мне туда наведываться? У меня там и знакомых никого не осталось.

- Жаль.
- А что нужно-то?
- Хочу справки навести о Вилене Оськиной.
- О Вилене? Оськиной? А она там каким боком?
- Оказывается, она посещала драмкружок при ДК.
- Артистка, значит. Ну-ну, артистка. Этой бы артистке, да волосья бы повыдергивать, чтобы по больному месту не была, да голову не дурила, - вскочила с кровати Бронислава и заметалась по комнате.
- Не выйдет.
- У меня-то? Еще как выйдет, не сомневайся.
- Не выйдет, потому что Виленя Оськина погибла сегодня ночью.
- Да, иди ты, - замахала на Симу руками Бронислава Ефимовна и без сил опустилась на кровать. Подумав, сказала, - если у меня и были сомнения на ее счет, то теперь все сомнения развеялись: моя гостья Лена и Виленя Оськина – один человек.
- Как и Вероника, девушка Прохора Валежникова, которая украла мои деньги. В ее квартире уже провели обыск и обнаружили в ее вещах триста тысяч.
- А как же ее сестра, Мила? Она же в отпуске.
- Сестра вернулась накануне, с Виленой не успела поговорить, той позвонили и вызвали на встречу. Больше она Вилену живой не видела.
- Вот горе-то, - вздохнула Кидалова.

Серафима покопалась в своем смартфоне, нашла фотографию Вилены Оськиной, которую ей «сбросил» Валежников, и протянула смартфон Кидаловой со словами:

- Чтобы укрепить твою уверенность, хочу показать тебе фото погибшей. Узнаешь?

Кидалова изучала изображение недолго и сразу заявила:

- Да, это она, девушка Лена, которая назвалась моей родственницей... На этой фотографии ее узнать проще, чем на фото с корпоратива. Но все равно перед визитом ко мне Виленя тщательно поработала над своей внешностью, чтобы стать Леной... Выходит, ты была права: кто-то ее нанял, чтобы исполнить две роли. Сначала она вошла в доверие к Прохору, оказалась в твоей квартире,

сняла слепок с ключей, чтобы отдать дубликат заказчику. Но зачем ему понадобились ключи от твоей квартиры? Чтобы приходить к тебе по ночам в обличье покойного Ивана и... пугать тебя, доводить до сумасшествия?.. Сима! Я же тебе говорила – смени замки! Чего ты упрямишься?!

- Кажется, боги сошли с ума.

- Не боги, а я... схожу с ума... медленно. И ты сойдешь, за компанию со мной, но это твой выбор.

- Я отвечу, почему не желаю менять замки - хочу поймать преступника на живца. Как-то так.

- Ха, на живца, - хмыкнула Бронислава, - он тебе ударит тяжелым предметом по голове и... ищи-свищи. Он сбежит, а тебя...

- Не пугай.

- А тут пугай-не пугай, но дело к этому и идет.

- Замена замков проблему не решит.

- Чему бывать – того не миновать, - философски изрекла Бронислава с ехидцей.

- Что ты предлагаешь? Уехать, спрятаться? Что? – набросилась на нее соседка.

- Сима, ты стала очень нервной. Отвар пить не хочешь, что-то замышляешь – строишь какие-то планы, меня в них не посвящаешь...

- Как же, не посвящаю! Открыто говорю – ловлю преступника на живца.

- Совсем сбрендил от горя, - констатировала Кидалова и запричитала, - я за нее волнуюсь, переживаю за нее, а она... изображает монументальное спокойствие, памятник Ленину изображает. А ведь врет и не краснеет! Сима, со мной ты можешь быть откровенной. Откройся, выскажись, легче станет.

- Нет у меня никаких тайн.

- Тогда пореви, со слезами боль начнет медленно отступать.

- Нет у меня слез.

- А это очень плохо. Неровен час, сердце не выдержит... Вот я сейчас оденусь, мы отправимся к тебе, выпьем твоего чудодейственного отвара, а потом пойдём к Степанову, расскажем ему о странных играх с участием призраков, пусть он сам во всем разбирается, а мы умываем руки.

- Ты видела, какой сейчас час? – хмыкнула Серафима. - У Степанова давно закончился рабочий день.

- Гляди-ка, и вправду поздно уже. День пролетел незаметно...

- Намек поняла, откланиваюсь, - подхватила соседка.

- Сима, ты меня вообще не слышишь?!

- Нечего мне тебе рассказывать, - обронила Устюжанина, направляя стопы в прихожую, - и слезы лить я не желаю.

- Допустим, - кивнула Бронислава, следуя за ней по пятам. – Но в душе покоя нет, ведь так?

- Нет и не скоро наступит. Обещаю – выпью я настой валерианы. Клятвенно обещаю. А ты не присоединишься?

- На сегодня мне разных снадобий достаточно.

На том и разошлись.

Вернувшись в свою квартиру, Серафима ощутила беспокойство, которое окутывало ее все больше и больше. Дверь была закрыта на все замки и на надежный запор, которым ранее они с Иваном никогда не пользовались. К беспокойству примешивался страх. Липкий и противный. Несвойственный здравомыслящему человеку, коим считала себя Устюжанина.

Ее тянуло к окну магнитом, и она не могла противостоять этому влечению. Вдруг вспомнилась молодость, когда она встретила Ивана Устюжанина и полюбила его. Их союз называли мезальянсом. Серафима привлекательная девушка, с высокой грудью, тонкой талией и необыкновенными глазами. Вся такая светлая, порхающая, чувствительная. Она выросла в интеллигентной семье, окруженная заботой, любовью и вниманием. Иван имел обычную внешность, высокий, но по молодости узкоплечий, даже хилватый, будто бы ничего особенного, но что-то в нем привлекало девушек. Видимо, серьезность и ум. Ивана воспитывала бабушка, родители крепко выпивали и их лишили родительских прав. Иван сей факт не скрывал. А Сима никогда бы не подумала, что этот тонкий и все понимающий без лишних слов мальчик-мужчина, умный и серьезный, появился на свет в такой семье. Сима постоянно думала о Ване, ее тянуло к нему – он был для меня магнитом. Он стал для нее всем. За годы они оба изменились. Но чувство осталось прежним, пусть и с примесью недоверия с ее стороны.

И вот теперь его больше нет...

Серафима не может в это поверить. Она и не верит. Но Бронислава своими рассказами не только медленно сводит ее с ума, но и заставляет раз от раза убеждаться – нет его и больше никогда не будет.

Но вина лежит не на соседке, а на человеке, который затеял эти игры, будучи уверенным, что на Серафиму, не впечатлительную в виду своей профессии, надо действовать через близкую подругу, которая является ее противоположностью и не умеет держать рот на замке...

В квартире было темно, только в окна падал свет от уличных фонарей, рассеиваясь по замкнутому пространству. Сима не решалась щелкнуть выключателем, будто боялась увидеть что-то такое, что доведет ее до крайности... А вот и ответ – до крайности: Некто затеял свои игры с одной целью – чтобы она наложила на себя руки. Пардон за тавтологию – ему руки марать не придется.

Догадка приободрила Серафиму. До этого она сидела на диване, накрывшись чуть ли ни с головой пледом, а теперь вскочила и принялась прохаживаться по квартире, даже что-то вызывающе бубнить себе под нос – якобы напевать, что-то революционное и протестующее. Прислушалась и догадалась: «мы жертвою пали в борьбе роковой»...

Тьфу ты! Тоже мне, в тему...

То сидела как мышь в норе, теперь возбуждена до безобразия. Хочется куда-то бежать, что-то делать, чего-то добиваться...

- Нормальные люди спят и видят чудесные сны, - на распев проговорила Серафима Максимовна, бодрая как студент после успешно сданного экзамена.

Чтобы набраться сил для будущего дня, необходимо поспать хотя бы шесть часов. Для достижения желаемого есть один проверенный способ - выпить этого чертового настоя – последовать ценному указанию Брониславы Ефимовны: проверено на Иване, который страдал от бессонницы, только настоем и спасался. Сима всегда заваривала ему траву валерианы, и он пил на ночь полстакана. Иногда заменял настой рюмочкой коньяка.

А это идея!

Серафима вернула стакан с валерианой на стол, нашла початую бутылку коньяка, плеснула в рюмку и опрокинула в себя, как заправский выпивоха – даже не поморщилась. Нашла в холодильнике кусочек сыра и забросила в рот. Затем туда же отправила дольку лимона.

Стоя у холодильника сверила взглядом окно, за которым... должно происходить что-то необъяснимое для нормального человека.

- Серафима Максимовна, - обратилась она к себе вкрадчивым голосом, - хорошо же ты смотришься со стороны: закладываешь по ночам, то трясешься под одеялом как осиновым лист, то бегаешь по потолку. В кого ты превратилась, Серафима Максимовна?!

Почему-то злость вылилась на стакане с настоем. Сима схватила стакан, повернула кран и подставила стакан под напор воды. После чего тщательно вытерла стакан тканевой салфеткой.

- Как-то так, - прошептала она, пряча стакан в шкаф.

Рука легла на выключатель, кухня осветилась ярким светом, Серафима зажмурилась. Когда глаза привыкли к свету, она задернула занавески, задумалась, не выпуская ткань из цепких рук, затем решительным шагом направилась в прихожую. Взяла с собой то, что ей было необходимо, обулась, набросила куртку, сначала изучила лестничную клетку через дверной «глазок», убедилась, что она пуста, прислушалась, тихо отперла дверь, выскользнула из квартиры, закрыла дверь, хотела прицепить «проверку», но передумала и побежала по ступенькам, игнорируя лифт.

Оказавшись в тихом и пустом(!) дворе, она кинула взгляд на свое светящее кухонное окно, осмотрела темные окна Кидаловой и спешным шагом двинулась вдоль дома. Поздно вспомнила, что можно было заранее заказать такси, но не отчаялась - ей пройти метров триста до места, где всегда кучкуются частники, промышляющие ночным извозом. Вскоре она уже сидела в автомобиле, который вез ее по нужному адресу.

Человек, который мог ей помочь в важном деле, сейчас тоже бодрствовал, потому как был на дежурстве...

С Владиславом Андреевичем Сумским Серафима Устюжанина была знакома много-много лет – столько не живут, как говорил с усмешкой сам приятель, будучи в ту далекую пору Владиком или Владькой, в зависимости от настроения и отношения Серафимы. К ней он всегда был настроен благожелательно, если не сказать - преданно влюблен. Они дружили со школьной скамьи, с первого класса. Сима догадывалась, какие чувства к ней испытывает Владик – не совсем дружеские, но сама считала его только другом, проверенным годами, да что там годами – десятилетиями.

Не известно, куда бы повернула их дружба, в какой переулочек страсти, прямо сказать – тупиковый: страсть продлилась бы недолго, дружба сошла бы на нет, если бы Сима не встретила свою первую и единственную любовь – Ивана Устюжанина. Любовь случилась не сумасшедшая и безбашенная, не графически-синусоидная, а размеренно-спокойная, без перепадов.

Владислав Сумской окончил химический факультет и уехал по распределению в небольшой провинциальный город. Женился, развелся, опять женился и опять развелся. Детей в двух браках не нажил, как сам говорил без трагедии в голосе. Во время разлуки они часто перезванивались, встречались, когда Влад приезжал проведать родителей. Всегда один, без супруги. Когда его отца не стало, а мать сильно заболела, Влад навсегда вернулся в родной город. Нынче он руководил экспертной лабораторией, но не отказывал себе «в удовольствии вспомнить былое» - опять его слова - и подежурить вместо своего подчиненного, у которого всегда найдется причина увильнуть от очередного дежурства.

Завидев свою подругу, Влад несколько не удивился, как будто она постоянно его навещала во время ночных дежурств.

Серафима мысленно его поблагодарила за чуткость - он не спросил «как ты?». Он и без этого знал, как ей худо без Ивана.

Владик приветливо улыбнулся, сграбастал ее в охапку и прижал к себе, приговаривая:

- Вот порадовала старика, вот порадовала.
- Напекаешь, что я тоже старушка, - улыбнулась Серафима.
- Ты всегда будешь красивой и молодой.
- Лгунишка и подхалим.

Владислав выпустил ее из объятий и предложил чаю. Сима отрицательно покачала головой и выложила на стол то, что принесла с собой со словами:

- Владик, нужна экспертиза.
- Когда?
- Чем скорее, тем лучше.
- Будь сделано! – отпраповал Сумской и занялся своим привычным делом.

Пока Владик колдовал, Сима прилегла на диванчике и незаметно уснула. Наконец, сработал выпитый алкоголь.

Проснулась, когда весенний луч солнца скользнул по ее лицу. Открыла глаза и сразу увидела Влада. Он смотрел на нее и улыбался.

- Какая же ты красивая, Сима, - с чувством сказал он.

- Я не стану кокетничать и спорить, - охрипшим после сна голосом произнесла она.

- Кофе?

- Крепкого и без сахара.

- Я знаю.

- Чем порадуешь?

Влад сунул ей в руки чашку с кофе, пристроился рядом и после паузы сообщил:

- Даже не знаю, что и думать...

- Не переживай, я же тебе сразу сказала - эту гадость я не пила.

- Хорошо, что не пила, хорошо, что пришла ко мне, - задумчиво пробубнил Владислав.

- Сама не пойму, что меня каждый раз останавливало. Будто Ваня стоял рядом и уговаривал не делать этого. Но я знаю, что ты в эту чушь не веришь, поэтому переходи к делу, не томи.

- Сим, ты кофе пей, а то остынет, а ты любишь обжигающе горячий.

- Владька!

- Ладно-ладно, - примирительно проговорил он. – Буду говорить начистоту: в твоём настое кроме валерианы присутствует красавка. Или белладонна - хрен редьки не слаще. Причем в таких количествах, что последствия для тебя были бы не предсказуемы. Впрочем, кому я это рассказываю – сама всё знаешь.

- Галлюцинации, спутанное сознание, нервозность, беспокойство, итогом всего выше сказанного станет суицид. И кто станет сомневаться в суициде: женщина находилась в отчаянии после случившейся с ее мужем трагедии, ничего удивительного. Но зачем? Что я такого сделала, чтобы доводить меня до крайней черты.

- Об этом надо спросить у злодея.

- У злодейки, - протянула Серафима, сузив глаза. – Как ЭТО могло произойти? Что я упустила? Я никогда не считала себя доверчивой дурочкой с широко открытыми глазами... Конечно, всему виной трагедия.
- Сейчас ты начнешь искать причины в себе. Не лучше ли пойти к злодейке и откровенно обо всем поговорить?
- Я не желаю ее видеть. Никогда.
- Твое право.
- Столько лет мы прожили рядом, стали практически родными людьми. Я ей доверяла как себе...
- Сима, я всегда тебя поддержу и всегда тебе помогу. Что от меня требуется, только скажи.
- С результатами экспертизы я пойду к капитану Степанову, поделюсь с ним своими соображениями, а потом пусть действует по всем правилам. Если кое-кто рассчитывает вызвать у меня жалость, пусть не надеется – не дождетя!..

Кидалова заявила на занятия драматического кружка в Доме Культуры «Строитель» с одной целью - чтобы выбрать актрису, способную исполнить поставленную задачу. План сложился в голове Кидаловой спустя год после смерти ее мужа. Она долго искала причины, не верила вердиктам врачей, а потом ее осенило – далеко ходить не надо, вина полностью лежит на соседке, строившей из себя специалиста высокого уровня, на Серафиме Максимовне Устюжаниной. Именно она выбрала неправильный метод лечения. Поначалу Кидалова хотела действовать по закону: написать заявление в следственные органы с требованием проверки действий лечащего врача, но затем пришла к неутешительному выводу - докторша выйдет сухой из воды, без особого труда, и коллеги ей в этом помогут.

Главной помехой всегда супруг Серафимы, Иван Кузьмич Устюжанин. Кидалова хотела пойти на крайние меры – устранить Ивана, но неожиданно Иван погиб в результате автокатастрофы, что еще больше убедило Брониславу в правильности выбранного пути. Но пришлось немного скорректировать первоначальный план мести. Согласно новому плану Серафима должна сама наложить на себя руки. Поэтому Кидаловой понадобился помощник, помощница. Ею оказалась небесталанная самодеятельная актриса Вилена Оськина, регулярно посещающая драматический кружок при Доме Культуры «Строитель», что на площади Труда.

Вилена под именем Вероники познакомилась с Прохором Валежниковым, после недели знакомства подтолкнула его к интимной близости, заранее зная, куда тот ее поведет – в квартиру отсутствующей соседки, ключи от квартиры которой хранятся у его бабки. Вилена Оськина сделала слепок с ключей, передала слепок Кидаловой, получила деньги на свою работу и бесследно исчезла.

Естественно, к Кидаловой под видом новоявленной родственницы Лены она не приходила, разными историями и лекарственным препаратом «Лирика» ее не «угощала». Это все выдумки Кидаловой, для правдоподобности и для подтверждения собственного алиби. Но она рисковала - ей пришлось выпить лекарственный препарат, предназначенный для эпилептиков, чтобы ее не уличили во лжи. Препарат «Лирика» у Кидаловой появился случайно, достался от ныне покойной гражданки Сиротиной, на которую был зарегистрирован мобильный телефон, с которого звонили Вилене Оськиной, чтобы выманить ее из квартиры. Оськину сбил автомобиль, которым управляла гражданка Кидалова. В пору своей лихой молодости она некоторое время работала таксистом, навыки не забылись. Автомобиль «Жигули» принадлежал покойному мужу гражданки Сиротиной. Квартира Сиротиной, гараж и автомобиль перешли Кидаловой по наследству. Кидалова ухаживала на Сиротиной до самой ее смерти. Они были давно знакомы. После того, как Бронислава уволилась из таксопарка, она окончила бухгалтерские курсы и устроилась на работу к ДК «Строитель», где ее взяла под свою опеку Сиротина.

- Я ничего не знала о Сиротиной, Кидалова мне никогда о ней не рассказывала, - недоуменно произнесла Серафима, когда Степанов взял паузу в своем монологе.

- Когда Сиротина вышла на пенсию, они долго не общались, но потом Сиротина заболела, позвонила своей бывшей коллеге по работе и предложила сделку.

- Когда у Брониславы появились ключи от моей квартиры, она проникла в мой дом с одной целью - чтобы подмешать в валериану белладонну. Она думала, что я принимаю травяной настой регулярно, и после приема этой адской смеси последует бесконтрольный процесс. Она никак не рассчитывала, что настой принимал мой покойный муж, и в этом был ее просчет. К тому же ее сильно подвела помощница, Вилена Оськина, которая украла деньги. Я вызвала полицию, что крайне не понравилось моей соседке. Она догадалась, что мои нервы совсем не расшатаны, принимать успокоительное мне не требуется и взялась потчевать меня историями о

призраках, уговаривала открыться ей, не держать горе в себе, поплакаться, а потом выпить настой валерианы, и... всё... - развела руками Устюжанина. - Интересно, где она взяла белладонну?

- Отдыхала на Кавказе, увидела незнакомое растение, услышала о его свойствах, и о том, что включен в «красную книгу», несмотря на это, собрала...хм... небольшой урожаем, пользуясь защитными средствами, высушила и оставила, на всякий случай.

- Странно как-то, - передернула плечами Серафима Максимовна, - на что она рассчитывала? Неужели думала, что я махну полстакана травяного настоя и не почувствую примеси другой травы, не только валерианы? Я могла пригубить, о чем-то задуматься и вообще не пить эту отраву.

- Кидалова была одержима идеей мести, она четко следовала своему плану, будучи уверенной, что ей помогают свыше.

- Какой срок она получит за свои деяния?

Степанов замялся и отвел глаза.

- С ней что-то произошло? Она жива? – настороженно спросила Серафима.

- Кидалова покончила с собой в камере предварительно заключения.

- Значит, она действительно помешалась на своей мести, а когда осуществить план не удалось, в ее голове окончательно что-то переклинило. Не думаю, что она наложила на себя руки по причине раскаяния или боязни возмездия.

- Я тоже так считаю: на допросе она раскаявшейся не выглядела. Скорее, огорченной. А вам, Серафима Максимовна, большое спасибо за помощь следствию.

- И вам спасибо вам, капитан Степан Степанов...

Устюжанина в сопровождении Влада Сумского покинула здание следственного отдела.

- Прогуляемся? – спросил мужчина.

- Прогуляемся, - согласилась Серафима.

- Чем планируешь заняться?

- Поставлю памятник на могиле Ивана, а потом... не знаю... Буду жить, найду себе какое-то хобби.

- На работу не хочешь вернуться?
- Меня там никто не ждет. И не хочу работать по профессии, - призналась Серафима.
- Я тебя жду. Всегда.
- Разговор ни ко времени.
- Я ждал почти полвека, могу еще подождать.
- Еще полвека? – усмехнулась Серафима.
- Почему, нет...

Февраль 2020г.